

WTF Tin Man 2017

Тексты G-PG13

Название: На дороге

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: драббл, 953 слова

Пейринг/Персонажи: [Кейн](#), [Амброз](#), [Лонот](#)

Категория: джен

Жанр: зарисовка

Рейтинг: G

Предупреждения: —

Примечание: пре-канон

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "На дороге"

Двигатель затрещал в последний раз, сыпнул ворох искр и заглох. Батарея все-таки сдохла. Он не дотянул до города несколько миль.

Конечно, Кейн знал, что батарее недолго осталось. Это должна была быть ее последняя поездка, Том раздобыл ему новую... не новую, понятно, но очень хорошую, и недорого. Но до Тома еще надо было добраться. Пойти пешком? Объяснить Тому, что машина заглохла, взять батарею, вернуться, прикрутить ее... Только будет ли куда возвращаться к тому времени? Оставить набитый продуктами грузовичок посреди дороги? Плакали его денежки.

Он поднял капот, заглянул в переплетение проводов, будто это чем-то могло помочь. Ну да, вот, третья секция потемнела и чуть ли не обуглилась. Ну что бы тебе еще полчасика... меньше даже. И что теперь делать? Взять мешки с собой? Все он не утащит... Может, кто-нибудь остановится и возьмет его на буксир?

Да, похоже, это был единственный вариант. Кейн поглядел назад — как назло, дорога просматривалась далеко-далеко и была пуста. Он пошел к повороту, глянуть, не едет ли кто из города. Да, маловероятно, что этот кто-то окажется настолько добр, что согласиться вернуться, и все же... Но из города ехал лишь роскошный ройял-мобиль, какая-нибудь шишка из магистрата направлялась в королевскую резиденцию, и помощи от нее ждать не стоило.

Он еще раз безнадежно посмотрел на батарею, опустил крышку и обошел машину. Видимо, придется идти пешком. Забрать самое ценное: корзину с яблоками, зелень, масло. Остальное накрыть получше, зашнуровать и надеяться, что никто не позарится на мешки с картошкой.

...У кузова его и скрутили, быстро и бесшумно. Завернули руки за спину, двое держали, еще один вертел головой по сторонам, держа пушку на изготовку.

— Кто такой, почему стал на дороге? — отрывисто спросил жесткий голос за спиной.

— Машина заглохла, — ответил он как можно спокойнее.

Чертов ройял-мобиль стоял поодаль, охранник с пушкой, убедившись, что из кустов не полезли сообщники Кейна, теперь осматривал грузовичок.

— Похоже, и вправду сломалась, — пробормотали за спиной и разжали хватку. — Ладно, свободен. Поезжай.

Интересно, как? Разумеется, Кейн не стал говорить этого вслух. Не стоит злить нервную охрану, чем быстрее они оставят его в покое, тем быстрее можно будет упаковать мешки и все-таки обернуться с батареей до темноты. Он молча выпрямился и шагнул к кабине. Из ройял-мобиля вылез темноволосый тип — судя по мундиру с позументом, та самая шишка.

— Убедились? — крикнул он. — А я что говорил? Варвары!

— Вернитесь в машину, — кисло проговорил один из охранников.

— Манчкины! — не унимался тип. — Если мы будем набрасываться на каждого честного фермера, у которого не вовремя сломалась машина...

— Да какой он фермер, — возмутился охранник. — Вы на его рожу и выправку посмотрите. Советник, прошу, вернитесь в машину.

Советник, вот в чем дело. Кейн украдкой бросил любопытный взгляд.

Советник оказался на голову ниже, уже в плечах, но зато раз в пять громче, чем можно было представить по парадному портрету, что висел в магистрате. Он маленьким вихрем прошелся вдоль грузовика, мельком заглянув в кузов, в корзину, Кейну в лицо, в кабину и, наконец, под капот, при этом не прекращая говорить.

— Ну вот такой фермер. Наверняка из железяк, переаттестацию не прошел, верно? — это уже Кейну, тоже мельком и не дожидаясь ответа. — И вы прекрасно знаете, что это значит, Лонот. Что этот бедняга — честный человек. Да вас бы самого в длиннополые не взяли, и кстати, это говорит в вашу пользу. Держите, — он небрежно сунул охраннику мундир и принялся закатывать рукава белоснежной рубашки.

Лонот. Кейн едва не присвистнул. Это, выходит, ему глава королевской стражи лично руки выкручивал? Надо же, какая честь... Но работают они плохо, надо признать.

Советник меж тем аккуратно отцепил провода от батареи, вытащил ее и едва ли не сочувственно погладил потемневшую секцию.

— Инструменты в багажнике, — бросил он, не оборачиваясь.

Лонот побагровел.

— Вы что, собираетесь чинить машину этому...

— А почему нет? — оборвал его советник. — Сделаю хоть что-то полезное после вашего налета.

Второй охранник подал ему инструменты. Кейн медленно разжал кулаки и выдохнул.

— Если бы это в самом деле была засада, вы бы в нее попали, — негромко проговорил он.

— Вот как, — отозвался советник, развинчивая батарею. — А поподробнее?

— У вас всего трое сопровождающих, а в засаде могло быть больше людей. Все трое вышли и осматривали меня и машину, вы остались без прикрытия. Кстати, сейчас за вашим ройялом никто не наблюдает, так что будь у меня сообщники — они бы могли вывести из строя что-нибудь...

— Джонс, к машине, — буркнул Лонот.

— Продолжайте, — хмыкнул советник и с хрустом выломал секцию из батареи.

— Не надо было останавливаться, — Кейн пожал плечами. — Добавить скорости, пройти мимо, места на дороге хватало... Даже если б они стреляли вслед — вы бы ушли из зоны поражения.

— Слышали, Лонот? Считайте это инструкцией для следующего подобного случая. Ну что, принимайте работу.

Последняя фраза явно была адресована Кейну. Он заглянул под капот. Батарея, потерявшая

сгоревшую секцию, была тщательно перетянута проводами и изоляцией.

— Емкость уменьшилась на треть, но до города дотянете. Зарядить можно еще дважды, не больше. Постарайтесь найти новую как можно скорее.

Он говорил спокойно и без насмешки, старательно оттирая пальцы платком от копоти и масла, и Кейн вдруг растерялся. Нет, серьезно? Ведь расскажи кому — в жизни не поверят. И что теперь делать, кстати?

— Благодарю вас, — неловко произнес он и запнулся. Как там его титуловать?

Превосходительством? Но советник, кажется, пропустил мимо ушей и заминку, и благодарность. Он писал что-то в блокноте, приткнувшись у кузова, потом вырвал листок и протянул его Кейну.

— Возьмите вот. Мистик — наверняка слышали о нем — сейчас ищет себе охрану. В Столице неспокойно... Так что если решите побороться за сомнительную честь охранять его драгоценную персону, отдайте ему эту записку.

Хлопнула дверь, ройял взметнул колесами пыль. Кейн развернул записку.

Оскар, обратите пристальное внимание на подателя сего. Мы наткнулись на него по дороге в Финакву, и он проявил себя лучше, чем вся королевская конница, что сопровождала меня. Рекомендую.

А.

Название: Сопротивление

Переводчик: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Оригинал: [Resistance](#) by St Jane Ambulance; запрос отправлен

Размер: драбл, 410 слов

Пейринг/Персонажи: [Амброз](#)

Категория: джен

Жанр: ангст

Рейтинг: PG-13

Саммери: Сопротивление, сущ. — действие по глаголу «сопротивляться»; см. также борьба, упорство.

Примечание автора: у меня нет прав на "Tin man", а вот от танца с Глючем я бы не отказалась, будь такая возможность

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора и переводчика

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Сопротивление"

И когда Амброз очнулся, привязанный к операционному столу, в глубине души он знал, что все кончено. Он *знал*. Логика подсказывала, что выхода нет. Ремни были слишком прочными.

Длиннополые, стража Азкаделлии, охраняли выход, патрулировали коридоры, маршировали у башни и повсюду. Хирург был вооружен шокером. Даже если бы Амброз смог освободиться от ремней — что вообще-то не представлялось возможным, — ему бы и нескольких шагов не дали сделать. И говорить было бесполезно. Его мучитель был предан Азкаделлии, чьи планы так совпали с его жестокой натурой.

Он знал все это и все же пытался бороться с неминуемым.

Быть может, он должен был сражаться, когда Азкаделлия пришла за ними. Он точно справился бы с длиннополыми почти без усилий. Но дальше что? Как далеко бы он убежал с учетом того, что длиннополые рыскали повсюду? Сколько бы продержался, прежде чем они схватили бы его снова? Быть может, он понимал это еще тогда. Понимал всю бессмысленность побега. И даже больше: он никогда не сбежал бы, не смог бы сбежать и оставить королеву на милость Азкаделлии. Вся его сущность была против.

Сущность, которую сейчас вырежут. Наверное, лучше бы он умер. Всем было бы лучше.

Но уже ничего нельзя было поделать. Слишком поздно думать о том, что могло бы быть. Ничто не могло остановить цепочку событий. Он знал. И все же он пытался. Он боролся. Он умолял. Ничто не подействовало. Но он старался — изо всех сил. Было сделано все возможное.

Но когда игла вошла в его руку и дурман потек по жилам, он пытался остаться в сознании, пытался отогнать подступающую темноту. Его глаза закрывались, хоть он пытался удержать их открытыми. Его разум мерк. Его личность умирала. А он боролся.

Все было кончено. Но Амброз, хотя его блестящий мозг и понимал всю бесполезность борьбы, сопротивлялся до последнего.

Название: Колибри

Переводчик: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Оригинал: [Hummingbird](#) by icarus_chained; разрешение получено

Размер: драбл, 420 слов

Пейринг/Персонажи: [Глюч](#)

Категория: джен

Жанр: ангст

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: —

Краткое содержание: Он потерял ботинок. Он потерял имя. Он потерял память. Но может быть... он сможет найти новые.

Примечание: —

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора и переводчика

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Колибри"

Он потерял ботинок. Где-то. Только что? Наверное. Он бы наверняка заметил, будь это давно. Обычно такое замечают, правда ведь?

Ладно. Неважно, на самом деле. Ботинок найдется, главное, что он ушел от погони. Ботинок — небольшая плата за то, чтобы сбежать от патруля длиннополых. Длиннополые — нехорошие ребята, и если они тебя поймают... Нет, не хочется об этом вспоминать. В памяти полно дыр, провалиться бы туда этим мыслям! Но плохое помнится. Чародейка, и боль, и дыра в голове...

Нет! Не надо так, перестань, немедленно! Это никуда не годится! Мир — неплохое место, и ты все еще жив, правда ведь? Ты здесь, оглянись вокруг. Оглянись вокруг, смотри, тихо и солнечно. Солнце такое теплое, ласковое. И цветы. Не замечал их, пока бежал, верно? Да. Но теперь-то можно заметить, и ах! Как красиво. Все цветет: деревья, обступившие плотной стеной, вьющиеся

лозы и кусты, готовые спрятать в своей тени. Так много цветов... Где он? Волшебное убежище в лесу? Чистый уголок, скрытый от зла?

Он вздрогнул, услышав звук. Жужжание, гудение, тихий шорох в листве. Он обернулся, ища взглядом источник шума, нетерпеливо шевеля пальцами, и вот! Нацелилась на цветок. Висит в воздухе! Разве птицы могут так делать? Жужжать, вибрировать, вибри...*Колибри*, шепнул голос в голове. *Не магия. Наука. Природа. Зависает в воздухе, летит назад.* Он замер, вслушиваясь, позволяя фактам всплывать из памяти, отправляя свой разум в путешествие, в танец, в водоворот воспоминаний, вызванный видом крошечной зеленой птички. Колибри. Он узнал их, может, изучал их, этих маленьких птичек. Давным давно. И даже теперь, за треснутой стеной ужаса в голове, эти воспоминания оживают. Маленькие факты, как маленькие птички.

А потом он вдруг улыбнулся. Засиял, чуть пританцовывая на месте, пальцы взлетели в воздух. Колибри.

Он потерял ботинок. Но найдет. Он потерял имя, но найдет. Он потерял память. Но найдет. А до тех пор перед ним целый мир. Прямо здесь. Мир, который можно трогать и пробовать, видеть и понимать. Мир, в котором можно найти новые воспоминания и новые имена. Даже новые ботинки. И вопреки ужасу и страху, вопреки длиннополым и Чародейке... он любил этот мир.

— Колибри, — пробормотал он и улыбнулся.

Название: Неуловимое

Переводчик: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Оригинал: [Intangible Spaces](#) by kseda; запрос отправлен

Размер: драббл, 535 слов

Пейринг/Персонажи: [ДиДжи/Кейн](#). А еще [ДиДжи/Глюч](#), [ДиДжи/Дикарь](#), и все парни/все парни. ДА!

Категория: гет, слэш

Жанр: сет связанных драбблов

Рейтинг: PG-13

Предупреждения:

Примечание: В оригинале это был драббл на слово stick, но переводчик проигнорировал это

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора и переводчика

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Неуловимое"

С Кейном лучше всего было действовать просто, словно она девчонка — женщина — живущая по соседству. Он приспособил маленький домик под мастерскую, и она приходила туда, надев комбинезон и собрав волосы в хвостик. А потом ДиДжи ластилась, ласкалась и дразнилась, пока в его глазах не вспыхивал тот самый огонек.

Кейн осыпал ее поцелуями и нежностями, а она забиралась ему под рубашку и прижималась к теплой коже. Еще раньше они негласно решили, что случайная заноза не помешает дать ему то, что ему нужно, а ей получить то, что она хочет.

И это пространство между "хочу" и "нуждаюсь" они и наполнили удовольствием в поту и опилках.

===

К покоям Глюча она приходила, одетая в шелк и кружево, принцесса до кончиков ногтей, а он - ее верный паж. Они смеялись и танцевали, пили изысканное вино (с ягодами и палочкой корицы) и целовались. Слой за слоем слетал шелк, и кружево, и ленты, и белье.

И когда на ней оставалась лишь сапфировая диадема, ДиДжи одаривала его улыбкой, и он улыбался в ответ, а потом они снова смеялись, ловя ритм. Возможно, их сближение было слишком детским, но для ее юной души, вынужденной преждевременно повзрослеть, и для его зрелой, снова возвращенной в детство, эти отношения оставались среди того немногого, что сохраняло смысл.

===

Дикаря не нужно было дразнить и смешить. Странное созвучие приводило их под сень желтой березы: сидеть и медитировать, связывая воедино магию и дар видения. Потом они убрали листья и веточки, открывая мягкую ласковую землю.

Касаясь почвы пальцами ног и стискивая его плечи, она открывала тайны своего родного мира, где ему была знакома каждая черта, а для нее еще так много оставалось неизвестным. Это был священный ритуал, обмен знаниями и чувствами, и ДиДжи ценила его всем сердцем.

===

Иногда она замечала, как Глюч стряхивал опилки с одежды, иногда Дикарь зевал, не успев прикрыть рот, и показывал потемневший от вина язык, а иногда она видела, что Кейн задумчиво смотрел на желтый березовый лист.

Они никогда не говорили об этом, странное молчаливое соглашение под покровом тайны, и никто не хотел срывать этот покров. Достаточно было знать, что все понимают происходящее.

Каждый сам по себе, они приводили свои жизни в порядок, понемногу восстанавливаясь после пережитого. Но вместе их четверка создавала нечто большее.

===

И однажды они все же оказались в постели ДиДжи, все вместе и одновременно. В итоге Кейн был в середине, ДиДжи прижималась к нему слева, обхватив за пояс, Глюч лежал справа, положив руку на грудь там, где билось сердце железного человека. Дикарь свернулся калачиком вокруг всех троих, своей обретенной семьи, таких непохожих людей, чьи судьбы переплелись навеки.

И они будут дразниться, и смеяться, и сплетать магию, и ощущать безмерное спокойствие. И пусть этой ночью они всего лишь спали, шепота "люблю тебя" и согласного бормотания в ответ было более чем достаточно.

Название: Дождь

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: драббл, 870 слов

Пейринг/Персонажи: [Гламброз](#), [Кейн](#), [ДиДжи](#), [Эмили](#)

Категория: джен, слэш (на усмотрение читателя)

Жанр: драма, hurt/comfor

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: —

Саммери: Глюч не любил дождь

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Дождь"

Глюч не любил дождь. Конечно, за годы скитаний он привык к тому, что дождь – это холодно, промозгло и нужно искать укрытие. Ничего удивительного, что он до сих пор нервничал при виде туч, даже теперь, когда весь этот кошмар остался позади и он вернул мозги и прежнее положение. Собственно, Глючем ДиДжи звала его по старой памяти и в основном про себя. Амброз. Она уже почти привыкла.

Вообще-то здесь, в Финакве, даже дожди были приятные. Обычно собирались к ночи, шуршали листвой, уютно стучали в окно, а к утру прекращались, оставляя умытый сад и мокрую, сверкающую в солнечном свете траву. Но иногда, к счастью, совсем редко, серые облака закрывали солнца среди дня и начинало противно накрапывать.

Вот как сейчас.

А ведь утром ничто не предвещало. Было тепло и солнечно, Глюч позвал ее погулять по винограднику. Она согласилась, хотя и знала, что это только называется прогулкой, на самом деле он будет внимательно осматривать каждую лозу и чуть ли не каждый листик. Королевский виноградник пропал вместе со всей Финаквой и вернулся, когда ДиДжи запустила камушек. Но если дворцу и беседке годы магического забвения никак не повредили, то лоза сильно пострадала, пожелтела и высохла. ДиДжи и Азкаделлия совместными усилиями оживили все, что смогли, и Амброз теперь трясся над виноградником, как над невиданной ценностью, чуть ли не каждый день проверяя, как он растет и нет ли сухих веточек.

Сухих веточек не было. Листья зеленели, ягоды наливались соком.

— Смотри, куколка, красота какая! На следующий год сможем оживить виноградник у Северного дворца. Пересадим лозу... Ты не помнишь, а там на склонах прекрасно рос виноград. Все вымерзло, когда... Но ничего, теперь с сеялкой мы все исправим. Осенью будет праздник молодого вина – это просто замечательно, ты увидишь! Костры, песни...

ДиДжи кивала. Пусть, раз для него это так важно. Она терпеливо бродила по винограднику, слушала рассказы о праздниках прошлых лет, погладила пару привядших листиков. Мама Эм ждала их в беседке с чаем и печеньем. И вот там, пока они пили чай, внезапный ветер нагнал туч. Глюч беспокойно посмотрел на небо.

— Покапает немного, — предположила Мама Эм, и тут же, словно услышав ее, в крышу беседки ударили первые капли.

— Я... пойду, наверное, — пробормотал Глюч. ДиДжи ласково накрыла его руку своей.

— Да ну, Амброз, это всего лишь маленький дождик. Посидим здесь, мы же под крышей.

Он опустил глаза и завертел в пальцах чайную ложку. Потом снова взглянул на небо.
— Он закончится скоро, — добавила ДиДжи, хоть и понимала, что без толку.

Он не успокоится, пока не окажется рядом с Кейном. Прогулка, работа в лаборатории или даже совещание в кабинете — с первыми каплями дождя советник забрасывал все и отправлялся, взволнованный и нахмуренный, искать главу королевской стражи, чтобы приткнуться к нему под бок. Чего же он натерпелся, бедняга, и как хорошо, что есть Кейн.

И все же она попыталась еще раз. В конце концов, Кейн может быть занят. Понятно, что он отложит все дела, чтобы утешить и успокоить напуганного Глюча, но...
— Амброз, все в порядке.

Глюч решительно отодвинул недопитую чашку
— Извини, ДиДжи, мне срочно нужно идти. Эмили, благодарю вас.

Он торопливо зашагал к дворцу, а потом махнул рукой и припустил бегом. Мама Эм вздохнула и понимающе посмотрела на ДиДжи.

***

Наверное, все дело было в свете. Ночью этот проклятый дождь мог идти сколько угодно, он даже не просыпался, а если и просыпался, то лишь переворачивался на другой бок и снова засыпал под убаюкивающий стук капель. Но днем... Когда небо затягивало мутью, когда солнца проступали из-за туч, как два страшных белесых пятна, мир становился серым и сжимался до окошка в костюме. Или пролома во льду.

Может, не надо было прятаться. Может, надо было ходить, разговаривать с охраной, что-то делать. Не смотреть вверх, в страшное, серое. Он не мог. Тело леденело, костенело, губы не слушались - как тут говорить? Что он мог сделать, если хотелось одного — укрыться, сбежать от мертвого серого света. Он сбежал, в дежурку или в комнату, а муть догоняла, просачивалась в окно, подступала, и он боялся дышать — чтобы не вдохнуть ледяную воду, и боялся шевельнуться — чтобы не упереться рукой в стенку своей железной тюрьмы. Он тарачился перед собой невидящими глазами, и не было знакомой комнаты, а только холод, и толща воды, и...

Хлопнула дверь, простучали торопливые шаги, мокрые пальцы прошлись по щеке, теплые губы ткнулись куда-то за ухо.
— Ш-ш-ш, тихо, тихо... Все хорошо, ты здесь, ты выплыл.

Глюч! Амброз. Лапушка...
Он облапил его, шумного, запыхавшегося, ткнулся лицом в жесткий позумент и наконец-то вдохнул.

Серая муть ушла, будто мешок с головы сдернули. Горела лампа под потолком, издали долетали нежные звуки арфы — старшая принцесса музицировала после завтрака. От мундира Амброза пахло мокрой шерстью и имбирным чаем.

Кейн откинулся на спинку дивана, Амброз завозился под боком, устраиваясь удобнее, привалился к плечу. Кейн неловко провел ладонью по его мокрым волосам.
— Там дождь? — спросил он и обругал себя мысленно. Ну да, а то он не заметил.
— Ага, — радостно отозвался Амброз. — Хороший такой дождь, теплый. Я намок немного, пока от

виноградника шел.

— Опять ходил на виноград любоваться?

— Ага, — повторил он. — Растет... Уже вот такие ягоды. Нужно будет фермеров найти, кто помнит, как собирать и давить сок. Пресс починить... И новые бочки нужны, и подвалы проверить, вентиляцию... Вот увидишь, года через два у нас снова будет приличное вино. Все будет хорошо.

Кейн кивнул. Будет. И с вином тоже.

Название: Ужин

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: мини, 3600 слов.

Пейринг/Персонажи: [Амброз\(Глюч\)](#), [Кейн](#), [Мистик](#), ОМП, ОЖП

Категория: джен

Жанр: гастрономическая драма

Рейтинг: G

Примечание: с любовью к баношу, бограчу и бундаш-кенеру - прекрасным вещам из моего мира

Краткое содержание: Они встречались раньше, и Кейн наконец-то вспомнил, где и когда

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Ужин"

Где же он его видел раньше? Вообще-то у него была отличная память на лица, профессия обязывала, но когда это было... Сейчас реальность плыла, неудивительно, после стольких лет в костюме. Он брякнул про преступника, не задумываясь, все-таки сумкоголовый, да и мелкая будет осторожнее, ей не помешало бы. Но физиономия и вправду была знакомая, может, был в розыске еще при старой власти? Еще пальто это нелепое сбивало с толку, Кейн не сразу узнал в нем придворный мундир. Неужели кто-то из бывших?.. Вряд ли, почти все бывшие перешли на сторону чародейки, кроме...

Нет, не может быть.

А потом был Северный дворец, и портрет. И он вспомнил.

Мистик тогда нервничал весь день. Вообще-то он нервничал каждый день, и не он один. Все тогда были на взводе, о грядущей смене власти говорили еще вполголоса, но уже везде, и сколько бы ни хорохорилась публика на представлении Мистика, им тоже было страшно. Может, они потому и ломились на это дурацкое представление. Ладно, не такое уж и дурацкое, шоу было эффектным, иллюзии потрясающими, а часть с чтением мыслей... Иногда Кейн был готов поверить, что это не только фантастическая наблюдательность и знание психологии, а самая настоящая магия. Да и где грань? Летающее кресло тоже выглядело довольно магично, но волшебства в нем было не больше, чем в Миллтауне. Чистая наука и капризная техника, которая последнюю неделю работала из рук вон плохо, а сегодня окончательно сломалась. Потому Мистик и нервничал. Наверное. А еще он ждал кого-то. Поглядывал на дверь и комкал в руках платок, пропахший сладковатым духом новомодной дряни, флакон которой стоил недельную зарплату Кейна, а в дорогих заведениях ее, говорили, распыляют прямо в воздух.

Мистик еще раз покосился на дверь и ткнулся носом в платок. Кейн неодобрительно откашлялся.

— Это безвредно, — взвился Мистик. — Это волшебная вещь, чистая радость. И вообще, это не твое дело.

— Мое дело — охранять вашу жизнь, — напомнил Кейн.

Он снова закрыл лицо платком, и Кейн промолчал.

— Это — не угроза моей жизни, — печально вздохнул Мистик. — Это одна из немногих оставшихся радостей. Плохие времена грядут...

А потом в коридоре прошуршали торопливые шаги, и в комнату вошел советник ее величества.

— Что за безотлагательное и конфиденциальное дело потребовало моего присутствия? — поинтересовался он вместо приветствия.

Кейн быстро выглянул за дверь. Охрана советника скучала в конце коридора.

Мистик тоже не стал терять время на приветствия и указал на свою летающую... вернее, нелетающую платформу.

— Что-то вышло из строя. Сначала барахлила, а теперь вообще не поднимается, — проговорил он мягко и даже виновато.

— Великолепно, — выдохнул советник, впрочем, принимаясь расстегивать мундир. — Я отказываюсь от ужина в городском собрании, бросаю на полуслове разговор со старшим алхимиком и лечу сюда — чтобы починить вам реквизит?

Мистик печально вздохнул. Советник нервным движением стянул кольца с пальцев, брякнул их на ближайший стол и нырнул под платформу.

— Крестовую отвертку, — приглушенно приказал он оттуда.

Мистик бросил вопросительный взгляд на Кейна, Кейн ухом не повел. Его задача — периметр охранять, а не инструменты подносить. Сейчас он залезет в нижний ящик кверху задницей, руки заняты — тут-то и накроют, живых и тепленьких. Ассистента надо было позвать... Но Мистик бы удавился за каждый свой сценический секрет, так что рабочие допускались на сцену минимально, благо, в нормальном состоянии все прекрасно летало и ездило.

Советник не дождался отвертки, ругнулся совсем не куртуазно, выбрался из-под платформы и полез в широкий ящик в дальнем углу.

— Чем еще могу быть полезен? Раз я уже здесь... Может, лампочку поменять?

— Не передергивайте, — поморщился Мистик. — Не хотели вы ужинать в собрании, а от старшего алхимика у вас мороз по коже, и я вас понимаю: неприятный тип. Но, говорят, блестящий в своей области.

Советник выбрал отвертку и снова скрылся под платформой.

— Я вам очень благодарен, — добавил Мистик.

— Вы меня еще отблагодарите за труды! — нога в узком модном ботинке возмущенно дернулась.

— Счет выписать?

Мистик вздохнул, подтащил поближе кресло и сел.

— Экселенц, — мягко заговорил он. — Что случилось?

Некоторое время из-под платформы было слышно только позвякивание механизма.

— Я прикрыл проект «Сеялка», — отозвался наконец советник. — Сообщил об этом магистрату.

Судя по вытянувшемуся лицу Мистика, он понимал, о чем речь. Кейну оставалось только гадать.

— Но... почему?

— Вокруг него началась подозрительная активность. Если его может использовать...

Советник замолчал на полуслове, но тут уж все было ясно. Принцесса заинтересовалась каким-то проектом, и его тут же свернули. Плохо дело. Совсем плохо дело, если наверху грызутся так откровенно.

— А новый мост? — растерянно переспросил Мистик. — И дорога. Вы так давили на магистрат...

— Да, — буркнул советник. — А сегодня сказал: я передумал, проект бесперспективный. Можете себе представить... Я думал, они меня на куски разорвут.

Снова лязгнул металл. С едва слышным гудением платформа поднялась и отлетела в сторону.

Советник молча поднялся, отряхнул брюки и потянулся за мундиром.

— Спасибо, — Мистик встал, шагнул к нему, попытался поймать его руку. — Правда, благодарю вас от всей души. Вы же знаете, если я что-то могу...

— Бросьте, — перебил его советник, — она попросила — я приехал, и вы прекрасно знаете, что приеду еще, стоит вам слово сказать... Проклятье! — внезапно взорвался он. — Что вы сделали,

Оскар? Что такое вы для нее сделали, что я...

Кейн сделал пару шагов вперед, Мистик молча качнул головой.

— Переход, — выдохнул советник. — Только вы умеете делать переход. Вы кого-то отправили на ту сторону, да? Чужака? Поэтому он бесследно исчез?

— Я выполнил поручение ее величества, — твердо проговорил Мистик и убрал его пальцы со своего лацкана. — Поручение, которое она пожелала сохранить в тайне. Не копайте, экселенц, вы не сможете сохранить эту тайну и поставите под угрозу то, ради чего она многим пожертвовала.

Советник тяжело опустился в кресло и хмуро уставился в угол комнаты.

— Я служу ее величеству и предан ей не меньше вас, — добавил Мистик. Советник метнул на него негодующий взгляд, который Мистик оставил без внимания. — Мы на одной стороне.

Советник молчал, расправляя манжеты. Мистик деликатно положил ему руку на плечо.

— Поедьте ужинать, а? Раз уж я выдернул вас из магистрата... Я угощаю. Говорят, в «Золотой шляпе» новый синтезатор, еда совершенно фантастических расцветок и вкусов...

Дела явно принимали серьезный оборот, если скряга Мистик предлагал самый дорогой ресторан Южных кварталов. Впрочем, советник не впечатлился.

— Комбикорм? — скривился он. — Увольте. Поехали лучше к Одхану.

Мистик нервно сглотнул. Советник усмехнулся.

— Я угощаю. Поехали? Ваш охранник нас отвезет, я покажу дорогу, там просто.

— Это Верхний город...

— У вас нет доступа?

Кейну понадобилась целая секунда, чтобы понять, что на этот раз советник обращается к нему.

Еще в полиции он привык к роли мебели, а уж с тенью Мистика разговаривали очень редко.

Вернее, никогда.

Пришлось откашляться.

— Нет, у меня нет доступа в Верхний город.

— Я вам пропуск выпишу. Вы авто водите?

Кейн кивнул в пустоту: советник уже сидел за столом и каллиграфическим почерком выводил «Доступ во все зоны Города, включая зону 0». Нулевая зона... Что-то царапало сознание, но он никак не мог вспомнить точно, он-то и в полиции с нулевой зоной не работал.

— Как зовут?

— Кейн.

— Фамилия?

— Гм... Уайатт Кейн.

Советник печально вздохнул и вписал маленькую аккуратную «У» перед фамилией. Потом потянул за часовую цепочку — на конце ее вместо брелоков болталась печать в золотом футлярчике. Видимо, малая королевская, потому что пропуска в нулевую зону... Да. Требовали высочайшего подтверждения.

Советник без запинки вывел под пропуском королевский вензель и приложил печать. Мистик тихонько хмыкнул, Кейн торопливо отвел глаза.

— Держите, — ему в руки ткнулись ключи и пропуск. — Белый фаэтон у входа. Я отпущу охрану. В салоне потрясающе пахло — кожей сидений, терпкими духами. Фаэтон сочно шуршал шинами и чуть подрагивал на брусчатке, а на городской стене, вымощенной ровными плитами, и вовсе пошел ровно и бесшумно. Не сравнить с полицейской самоходкой, прыгавшей на разбитых мостовых городского подбрюшья...

А еще наверху оказалось светло. Оба солнца стояли низко над горизонтом, пуская сверкающие дорожки по волнам и заливая золотом все окна выше стен, он уже и позабыть успел, как много города еще было выше стен. Верх фаэтона мягко уехал назад, в лицо пахнуло морем, а потом ароматами из сада на крыше «Гранд-отеля». Кейн никогда не бывал в этом саду, но знал, что он там есть: шеф Браун когда-то вел дело и допрашивал тамошнего сотрудника, он даже видел фотографии с фигурными кустами и пустым фонтаном... Сейчас фонтан работал, выбрасывая вверх

пять пенных струй.

— К Изумрудной башне и по серпантину вверх, — распорядился советник.

...В Изумрудной башне однажды побывал Зеро — нужно было допросить то ли танцовщицу, то ли официантку. Он с тех пор не упускал возможности похвалиться, что был в Верхнем городе, хотя формально вход в башню находился еще в средней части. Там был ресторан, казино и клуб с шикарной сценой, где Зеро успел посмотреть половину вечернего шоу, пока ждал танцовщицу. Он часами о нем рассказывал: бархатные кресла, напитки в высоких извилистых бокалах, девицы, расписанные золотыми узорами с ног до головы и в общем-то больше ни во что не одетые. И вид из окон на Верхний город, настоящий Верхний город, который было видно только издалека, парящий над стенами и куполами...

У Изумрудной башни был первый портал и еще два на серпантине. Кейн притормаживал, хмурые охранники в новой длинной форме заглядывали в салон, при виде советника строили почтительные гримасы, но документы Мистика и самого Кейна просматривали с удвоенным вниманием.

...Драгоценную бумажку с безличным «У. Кейн» потом долго хранили и бережно передавали в ячейке сопротивления, длиннополые новобранцы всех фермеров в лицо не знали, а подделывать фермерский паспорт — это раз плюнуть, это вам не летящая подпись королевы и магический оттиск королевской печати. Поставщик королевской кухни, вот пропуск — эта волшебная фраза еще долго открывала городские ворота в обе стороны...

Серпантин закончился, и начались бесконечные кружевные мосты между башенками. Советник сел прямее и указывал маршрут: прямо, после моста налево, теперь к красной крыше. Кейн следил за дорогой, все-таки голова на такой высоте начинала кружиться, но не мог не смотреть по сторонам. Верхний город, крыша мира... Отсюда действительно было видно все: зеленое море лесов, перерезанное Разломом и дальше, до самых гор; дорогу на Северное озеро и снежные шапки, тонущие в тумане; морскую гладь и бухту, отделенную мостом, сверху он казался игрушечным.

— В левую башню и тормозите. Приехали. Идемте, я голоден как портовый бродяга.

— Кейн подождет нас в машине? — неуверенно уточнил Мистик.

Советник развернулся на каблуках, взметнув полы мундира.

— Оскар, — протянул он укоризненно. — Нельзя так с людьми, даже если вы им платите. Идемте с нами, поужинаем, — это уже Кейну. — Только вина не пейте, потом отвезете меня домой.

От неприметного входа в ближнем углу им навстречу уже шел румяный толстяк в белоснежной рубашке и кожаном фартуке.

— Ваша милость! — заговорил он нараспев, раскидывая руки словно для объятий. — Я уж думал, вы забыли нас совсем за делами государственной важности!

— Сбежал от всех дел! — в тон ему отозвался советник, и они действительно обнялись, и Кейн увидел, что то, что он принял за фартук, было на самом деле юбкой — такие носят у Разлома.

— Ну наконец-то! — радовался толстяк. — А Кенна как чувствовала, затеялась сегодня с вашим любимым... Ваши друзья с вами ужинают или предпочитают отдельный кабинет? Прошу вас, господа...

Что было здесь? Кейн не знал и фантазии не хватало представить. Вся Столица осталась под ногами: банки и магазины с огромными витринами, роскошные клубы и сияющий синематограф, висячие сады и хрустальные бассейны. Они поднялись выше уютных кофеен, где подавали неотличимые от настоящих синте-бургеры, и богатых ресторанов, где угощали мороженым со вкусом жаркого и жарким со вкусом десерта. Чего ждать на самом верху? Винных фонтанов,

съедобного золота, живых русалок?

За невысокой дверью открылся небольшой зал, там звенели посудой, вкусно смеялись и ели, но хозяин вел их мимо, по коридору и дальше, на открытую веранду. Низкий деревянный стол, широкая скамья с грудой смешных шерстяных подушек, улыбающаяся женщина все в той же одежде приразломских краев.

Советник развалился на скамье и нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Кейн уселся у конца стола, привычно оглядел помещение — ходы, выходы, подозрительные углы, — бросил взгляд через ограду и на несколько секунд забыл вообще обо всем.

С веранды открывался вид на море. Солнца наполовину опустились в золотую воду, нежно подсвечивая розоватым светом облака, из-за которых поднималась первая луна, полупрозрачная и тоже розовая. Больше ничего не было видно, ни гор, ни моста, ни даже города. Веранда плыла навстречу закату, словно корабль, и ветер дул тепло и ласково.

— Приятного аппетита, — проворковала женщина и поставила перед Кейном глиняную миску, полную густого янтарного супа.

Маглаг? Серьезно? Он едва не спросил это вслух. Они забрались на самый верх Столицы ради деревенской похлебки?

Ну ладно. Кейн взял свежеструганную деревянную ложку, отломил корочку от ломтя теплого хлеба и зачерпнул из миски...

Конечно, было вкусно. Хороший маглаг, наваристый, и пряностей не пожалели, почти совсем как у Адоры... Может, даже немного лучше, а может, он просто забыл, он так давно не ел домашней еды с этой чертовой работой, сплошные пищевые брикеты да уличный перекус, в котором натуральных продуктов была в лучшем случае треть. А здесь... Не то чтобы он хорошо разбирался, но тут гурманом быть не надо — этот суп явно варили из самых настоящих овощей, да в нем даже листик петрушки был настоящий, нет, не так. Особенно листик петрушки, только что сорванный, пахучий, зараза... Они ее что, на подоконнике выращивают? Он взял второй кусок хлеба.

— Все равно не понимаю я вас, — вздохнул Мистик, отодвигая опустевшую миску. — Морщитесь на комбикорм, а меж тем это интереснейшая кухня, практически безграничные возможности эксперимента со вкусами. И не забывайте о влиянии на вкус цвета еды! А этого вашего маглага в любой харчевне нальют.

— И давно вы в харчевне были, великий и ужасный? — фыркнул советник. — Всякий раз, как перекусить захочется, прыгаете в авто и катите за десять миль в ближайший трактир? Да кстати, сейчас и на трактир надежды мало. Фермеры повально выращивают тритикале, быстро и выгодно, город его скупает тоннами, а с помидорками возиться нужно. На папай одна надежда, если засуха доберется и до них, мы останемся без фруктов. Впрочем, если засуха доберется до папай, то отсутствие фруктов будет самой меньшей из проблем.

Он помрачнел на мгновение, но тут на столе появилась груда печеных овощей, и большая тарелка поджаренного хлеба, и целая вереница маленьких мисочек с паштетом и тертыми бобами, и папай были забыты.

Голова шла кругом без всякого вина. Кейн изо всех сил старался не размякнуть окончательно и хоть как-то держать контроль. Помогало следить и слушать: он исподтишка разглядывал веранду и понял наконец, что его смущало с самого начала. Стол стоял под странным углом, ни вдоль, ни поперек, но у ножек на полу виднелись отметки, и были отметки в других местах, а рядом подписаны числа. Даты, понял Кейн. Стол двигался за солнцами, чтобы гость всегда сидел лицом к закату.

Солнца меж тем окончательно утонули и над морем повисла первая луна — огромная и красная, как спелое яблоко. Мистик щипал гроздь винограда, советник намазывал гренку маслом, нежным, со слезой.

— Ты куда фарфор тащишь, дубина? — прошипел хозяин за порогом. — Кружки возьми, и салфеток чистых. Да не тех, вон льняные.

— Хотите еще лимонаду? — Кенна склонилась из-за плеча с кувшином. — Будете яблочный пирог

к чаю? Или коричные булочки?

Яблочный пирог оказался слишком сладким, а коричные булочки еще слаще, но Кейн не возражал: не для него готовили. Советник перевел затуманенный взгляд с пирога на булки и вздохнул.

— Я булочки в корзинку сложу, — предложила Кенна. — Позавтракаете... И еще ореховых, да? Он улыбнулся чему-то и кивнул.

А чай был замечательный. Еще бы ему не быть! Кенна спросила, с чем заварить, и Кейн, все-таки размякший и слегка обалдевший от еды, бриза и звездного неба прямо над головой, честно потребовал с чабрецом. Теперь отхлебывал понемногу терпкий душистый настой (настоящий чабрец! Где только раздобыли? Ну ладно, петрушка в ящичке, но это... Впрочем, удивляться было уже как-то поздно), грел руки о глиняную кружку, странную, грубую, как будто вручную вылепленную. Даже удивительно, как ладно она ощущалась в ладонях: теплая, шершавая, и все неровности как нарочно... Не как, внезапно понял Кейн, глядя на такую же кружку в руках советника. Именно что нарочно. Потому и не фарфор, и вино не в хрустале, а в такой же кривой глиняной посудине. Это она на вид кривая, а в руке наверняка лежит идеально.

Интересно, что еще здесь идеально? Подушки любимого цвета, набитые сеном, отчего на веранде тонко пахнет скошенным лугом? Ветер, который приятно обдувает разгоряченное лицо и шевелит волосы? Хотя здесь, на верхотуре, всегда ветер...

Советник зябко поежился, не глядя вытащил плед из-за спинки скамьи и набросил его на плечи. Вошла вторая луна, Кенна принесла корзинку, укрытую льняным полотенцем, Одхан заглянул узнать, все ли хорошо у драгоценных гостей. Мистик пробормотал про счет, хозяин почти огорченно всплеснул руками, мол, это большая честь, и он всегда рад угостить его милость и его друзей... Советник достал из жилетного кармана пачку столичных кредитов.

— Ох, спасибо большое, — теперь уже совершенно искренне обрадовался толстяк. — С банком просто ужас что творится, держат чеки неделями! Нет, ваш бы сразу оплатили, понятно, но все равно... Благодарю.

— Разберемся с делами, и банкиры успокоятся, все будет нормально, — заверил советник, отсчитывая банкноты.

...Кейн внезапно вспомнил ту пачку, совершенно безнадежно и некстати. Сейчас бы одну такую радужную бумажку, всего одну... С лихвой хватило бы. Они сидели в углу «Пивной бутылки», забегаловки страшной и грязной, куда б он в жизни не привел не то что принцессу, а любую девицу. Но на улице было опаснее: их все еще искали. А Кривой Джо хотя бы пообещал их не сдавать длиннополым. Но денег не дал.

— Какой долг, Кейн? Тебя поймают и убьют к вечеру. Или того хуже — отправят в башню.

— А вот как раз дашь двадцать монет — и не поймают, и не убьют. Джо, мне нужно проводнику заплатить. Если выгорит — озолотишься. Откроешь ресторан на Втором кольце...

— Ага, и Одхана шеф-поваром возьму. Отвали, Кейн. А еще лучше — проваливай отсюда вместе со своими...

— Что?

Послышалось, наверняка послышалось, просто вспомнился тот вечер и...

— Ладно, ладно, сидите, только не высовывайтесь, — примирительно забормотал Джо. Кейн схватил его за руку.

— Кого ты шеф-поваром возьмешь?

— Да пошутил я, ненормальный! Чего ты взвился?

— Одхан, — медленно выговорил Кейн. — Толстый ресторатор из Столицы. Ты о нем? Он здесь?

— Здесь, — настороженно отозвался Джо. — Держит жральню за рингом. А что, знаешь его?

— Присмотри за мелкой и мохнатым, — бросил Кейн вместо ответа и метнулся к столику. —

Сидите здесь, никуда не ходите, ждите нас. Глюч, пошли.

В переулке сумкоголовый ловко крутнул кистью и освободился от захвата.

— Куда мы идем, жестянщик? — спросил он, улыбнувшись нервно и натянуто. — Что за идея тебя осенила?

— Если повезет, достанем денег, — нетерпеливо отозвался Кейн. — Идем, ну.

— Куда? — Глюч отступил еще на шаг.

— Забегаловка за рингом.

Глюч заметно расслабился и наконец-то зашагал следом.

— Твой знакомый держит?

— Надеюсь, твой, — пробормотал Кейн.

Хозяина он узнал сразу, несмотря на потрепанный вид и замызганный фартук. Тот скользнул равнодушным взглядом по новым посетителям и стукнул о прилавок двумя на удивление чистыми мисками.

— С мясом или с брикетом? С мясом на три медяка дороже.

— Послушай, Одхан, — начал Кейн.

— В долг не кормлю, — отрезал он. — За деньгами в ломбард за углом.

— Вот беда, — совершенно искренне огорчился Глюч. — А мы как раз за деньгами.

— Очень смешно, сумко... — Одхан осекся. Позвал севшим голосом: — Кенна!

Потом они теснились на маленькой кухне, Кейн подпирал стену, Глюч жадно, но аккуратно ел и улыбался Кенне, а она вытирала лицо фартуком и подвигала ему то миску, то лепешку.

— Вы-то здесь почему? — не сдержался все-таки Кейн.

— Чародейка, — вздохнул Одхан. — Милашка ей крепко насолил, она была просто в ярости.

Говорят, хотя я сам не видел, что его столичный дом она разнесла вдребезги. Ну, а мне велели убираться и говорить спасибо, что жив остался, мол, привечал государственного изменника и его дружков.

Милашка, значит, усмехнулся Кейн про себя. А в лицо-то — ваша милость.

— Я думал, его казнили, — добавил Одхан. — А оно вон как.

— Он останется? — всхлипнула Кенна.

— Нам нельзя оставаться, — объяснил Кейн. — Нас ищут, плакаты висят на каждом углу. Но нам нужно встретиться... с одним человеком. И заплатить проводнику. Двадцать монет.

Одхан немедленно полез в карман.

— Слушай, а тебя я не помню, хотя ты меня знаешь, — проговорил он.

— Я его помню, — вмешалась Кенна. — Ты охранник Мистика, да? Ты с ним приезжал и еще на яблочный пирог кривился.

— На мой пирог? — изумился Одхан.

— Слишком сладкий, — смутился Кейн. — С яблоками, орехами...

— И медом, — вздохнул Глюч.

— Нам пора, — напомнил Кейн. — Одхан, если все получится, я верну...

Толстяк отмахнулся.

— Если все получится, верни мне лучше мое кафе. Я, конечно, пеку профитроли и кручу розы из пищевых концентратов, но кому они здесь нужны... Идите через заднюю дверь — на всякий случай.

В темном дворике позади забегаловки Кейн помедлил, выглянул в проулок, не видать ли длиннополых, хотя и был уверен, что все будет в порядке. И дальше — тоже. Не только из-за того, что теперь им было чем расплатиться с Айрофдэй. Вообще. Не иначе Глюч на него действует своим оптимизмом.

Он обернулся. Глюч стоял на шаг позади, нежно прижимая к груди бумажный сверток.

— Пирожки, — ответил он на вопросительный взгляд. — Куколке и мохнтому. А ты вроде как не голоден.

— Пошли, — хмыкнул Кейн. — Милашка...

... Самое смешное, что в итоге вся глиняная посуда не пострадала. Длиннополые переколотили фарфор и хрусталь да сломали пару стульев в основном зале, столовое серебро нашлось в скупке над доками почти в полном комплекте. Правда, серебро им все равно не подавали.

— У себя дома будешь железяками в еду тыкать, — говорил Амброз, — а этот вкус портить не смей.

— Маглаг тоже руками есть? — поддевал его Кейн.

— Ну уж явно не серебряной ложкой! Впрочем, свой пирог можешь есть чем угодно, ему это не поможет.

Пирог Одхан принес лично и даже не ушел, смотрел выжидающе. Кейн отрезал кусочек, мысленно приготовился хвалить в любом случае и сунул его в рот.

Яблочная начинка была щедро переложена кисловатыми ягодами, приправлена мятой и чем-то еще, неузнаваемым, но поразительно вкусным.

— Вот, — удовлетворенно проговорил Одхан. — И чай с чабрецом, правильно? Кенна! — крикнул он через плечо. — Господину начальнику королевской стражи — добавки!

Название: Может быть, когда-нибудь

Переводчик: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Оригинал: D.D.Darkwriter "[Perhaps In Time](#)"; запрос отправлен

Размер: мини, 1393 слова в оригинале

Пейринг/Персонажи: [Кейн/Глюч](#)

Категория: слэш

Жанр: драма, oneshot

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: ООС

Краткое содержание: Глюч - источник проблемы, решение которой нужно найти Кейну. Но сам Глюч, похоже, его уже в этом опередил. Авторский рейтинг - R

Примечание: все персонажи, вовлеченные в сцены сексуального характера, являются совершеннолетними

Размещение: с разрешения автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Может быть, когда-нибудь"

Кейн сидел. Тишина дня казалась бесконечной. Однако жаловаться ему в общем-то было не на что. Чувствовал он себя... С настроением явно творилось нечто неправильное — даже для него. Причина такого настроения была простой, а вот способ исправления — абсолютно неразумным. Проблема заключалась в Глюче — наполовину человеку, наполовину идиоте... Нет, полном идиоте. Казалось, чем больше времени Кейн проводит рядом с ним, тем больше на него западает.

Тут же пришло ужасающее осознание: самому Кейну это очень нравилось. Он уже давно понял, что обожает быть рядом с Глючем. Кейн даже ничего не имел против его бессмысленной болтовни — иногда. А иногда его мягкие бледные руки дотрагивались до Кейна, и это ему нравилось. Нравилось дразнящее ощущение его мягких прикосновений. Однако такое длилось всего секунды. Только что его тело пело от радости и удовольствия, а в следующий миг, когда становилось холодно и тоскливо, словно умоляло о еще одном теплом касании.

И пусть бы это чувство не возвращалось. Пусть бы оно просто задерживалось, как будто призрачное прикосновение все еще длилось. Это маленькое чувство дарило Кейну восторг и

счастье, но главным образом — ясный рассудок и удовлетворение.

Хотя, конечно, у большинства проблем есть решение — если не много, то хотя бы одно. В случае Кейна решений было очень мало. Голова уже пухла от поиска и обдумывания выходов.

Самым непривлекательным и радикальным вариантом было убийство Глюча. Эта мысль вскоре исчезла, потому что показалась немного... Немного слишком.

Вдобавок Кейн не хотел смерти Глюча. Что привело его к другой возможности — просто рассказать Глючу о своих чувствах.

Несмотря на нынешнее состояние Глюча, Кейн сомневался, что тот поймет. К тому же, если он расскажет о своих ощущениях, а Глюч не испытывает ничего подобного, то выйдет, что не было никакого смысла рассказывать.

Кейн опустил плечи. Чем больше он думал, тем больше падал духом. Казалось, что везде его ждут провал и разочарование, что бы он ни выбрал.

Казалось, на мгновение наступила абсолютная тишина: Кейн не думал, и никто рядом не разговаривал. Он сообразил, что остальные ушли. Оставили его одного. Оглядываясь, он услышал, как его зовут.

— Кейн... Кейн? — Голос двинулся.

Кейн повернулся к Глючу, практически борясь с желанием не делать этого.

— Что? — в его голосе прозвучала усталость.

Хотя, когда он взглянул на Глюча, усталость, кажется, куда-то исчезла.

— Я... эм... — Тот смотрел вверх, его руки взволнованно сжимали одна другую. — А... Диджи и Дикарь куда-то ушли. Она... она сказала, что я должен остаться с тобой.

Он пристыженно опустил голову.

Глядя на него, Кейн не смог сдержать улыбку.

— Ладно, ладно. — Вздохнув, он огляделся вокруг. — Она сказала, когда вернется?

Глюч поднял глаза, потом слегка наклонил голову. Потом потряс ею — это, видимо, следовало понимать как «нет».

— Хорошо. Давай просто подождем тут, — убедительно произнес Кейн.

Глюч выглядел немного потерянным, словно не понимал, радуется Кейн или злится.

Опустив голову, Кейн исподлобья наблюдал за ним. Смотрел, как тот оглядывается, будто ищет, чем заняться. Странно было вот так остаться с ним наедине.

Он взглянул на Глюча — тайком, вряд ли тот знал, что он его видит.

И повернулся к нему:

— Глюч, куда ты смотришь?

Глюч, кажется, подпрыгнул, его глаза настороженно округлились.

— О чем ты говоришь?

Кейн негромко застонал.

— Хватит за мной следить! — сказал он. Голос прозвучал низко.

Он смотрел, как Глюч встает и идет к нему. И не говорит ни слова.

Тогда Кейн посмотрел на него:

— Что? Чего ты хочешь?!

Он слегка улыбнулся — может быть, Глюч улыбнется в ответ?

Глюч не улыбался. Он посмотрел вниз, на Кейна, в тени его глаза потемнели почти до черноты.

Кейн занервничал и попытался встать. Но, прежде чем он успел что-либо понять, Глюч толкнул его обратно.

Оба очутились на земле, причем Глюч — сверху, придавив Кейна своим телом.

Кейн заметался, испугавшись неожиданной силы того.

— Стой! — мягко произнес Глюч.

Кейн обнаружил, что его тело останавливается, словно абсолютно покорное приказу.

— Глюч, что ты делаешь?

Похоже, тот напрягся. Затем подался вперед. Медленно закрыл и открыл глаза. И спросил:

— Кейн, почему я не могу на тебя смотреть?

Кейн взглянул на него. Он слегка нахмурился.

— Я не понимаю... — Его голос сорвался.

Глюч посмотрел на него сверху вниз.

— Ты знаешь, о чем я...

Он прищурился. Его взгляд словно вонзался в Кейна, словно жег или колот.

— Мой взгляд... На твой коже... Это что-то вроде запретной вещи для тебя. — Его голос был возбужденным и обольстительным. — Ты любишь запретные вещи?

Кейн попытался высвободить запястья, но обнаружил, что, как только он пытается двинуться, прижимающие его к земле руки крепко сжимаются — почти до боли. Хватка Глюча оказалась столь сильной, что заставила Кейна зашипеть от боли.

— Понятия не имею, о чем ты! Больно!

Его голос прозвучал громко — и, кажется, с нарастающим возбуждением.

Глюч улыбнулся.

— Ты же не против боли, правда? — серьезно произнес он. Что-то явно шло не так. — Ты же этого хотел, да?

Кейн замер и взглянул на него.

— Ты знаешь? — спросил он.

— Я же чувствовал, как ты прожигает взглядом мою спину, — ответил Глюч.

— Я... — Кейн смотрел на него и не знал, что сказать.

Напряжение внутри росло. Казалось странным, что после всех этих дней Глюч наконец-то был его — в буквальном смысле. Только он не знал, хотел ли этого Глюч.

— Кейн... — практически прошептал Глюч. И медленно, с силой потерся о его пах.

У Кейна вырвался стон. Глюч оказался твердым. И у него самого теперь тоже вставал.

Кейн снова застонал, когда рука Глуча соскользнула с его запястья и коснулась шеи. Кончики пальцев Глуча бродили по его голой коже. Как будто его мечты стали реальностью. Если бы только Глуч дал понять, что и ему можно двигаться...

— Глюч, — прорычал Кейн. — Скажи, что любишь меня...

— Я лю...

— Скажи, что это правда, — перебил Кейн, пристально глядя на него. Он практически умолял.

Они глядели друг на друга. Слово оба ждали — или размышляли.

Глюч тихо перевел дух. А затем отпустил Кейна. И снова взглянул вниз, а Кейн — вверх.

Кейн смотрел, как тот опять закрывает глаза.

— Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь... — И он снова посмотрел на Кейна.

В его глазах было желание и потребность. Но все же чего-то не хватало. Кейн знал, что было бы неправильно позволить себе зайти дальше.

— Я не могу этого сделать, — прошептал он.

Глюч подался вперед, требуя поцелуя:

— Нет, ты можешь!

Ладонь Кейна быстро поднялась и легла на губы Глуча, не давая ему продолжать.

— Я не позволю тебе.

Он поднял тяжелый взгляд на Глуча.

Глюч — все еще с его ладонью на губах — смотрел на него. Затем снова закрыл глаза. В этот раз наружу вырвался тяжелый вздох и Кейн почувствовал сладость его дыхания. Почти как мед. Как прекрасно было бы попробовать его, почувствовать его вкус...

— Я не знаю, будет ли у нас еще возможность... — смиренно произнес Глуч, когда Кейн убрал руку от его мягких губ.

— Я знаю, — Кейн сказал единственное, что смог придумать. Он пытался удержать слезы — и остатки эмоций, который еще позволяли ему ощущать любовь.

Название: Разум и душа

Переводчик: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Оригинал: [Mind and Soul](#) by icarus_chained; разрешение получено

Размер: мини, 3222 слова.

Пейринг/Персонажи: [Гламброз](#) и вся компания фоном (от автора: [пейринга нет, но...](#))

Категория: джен

Жанр: драма

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: автор упорно одевает Глюча в драный сюртук и полагает, что мышечная память вернулась к нему только вместе с мозгами. Переводчика это напрягает

Краткое содержание: Глючу возвращают мозг. Это непросто для всех

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора и переводчика

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Разум и душа"

Глюч огляделся и ощутил внезапное непреодолимое желание запеть, или вызвать Кейна на дуэль, или предложить всем сыграть в канасту, что бы это ни было. В общем, сделать хоть что-нибудь, чтобы разрушить гнетущую атмосферу в гостиной, где все сидели с озабоченными лицами и напряженно молчали.

Кстати, что такое канаста?

Какая разница!

Ему было бы легче, если бы все внимание не было приковано к нему. А может, и нет. Ему никогда не нравилось, если окружающие вдруг начинали паниковать, ведь обычно он рассчитывал на их помощь, если потеряет нить из-за сбоя. Но когда они паниковали, он терял нить и начинал нервничать, а когда он нервничал, он сбиол, а когда приходил в себя - они паниковали еще больше, а... В общем, замкнутый круг. Ничего хорошего.

Но сейчас, когда он видел, как они беспокоятся о том, что будет, ему хотелось кричать. Он отлично знал, что будет, спасибо большое, и это его пугало само по себе, без всех этих волнений. Без этого очевидного страха на лицах. Да, это все очень трогательно, но сейчас он предпочел бы любой искренней заботе капельку наивного оптимизма.

— Эй, сумкоголовый! Ты как?

Глюч подпрыгнул. Когда Кейн успел к нему подкрасться? И зачем? Нехорошо так поступать, особенно с ним.

— Чего? — резко переспросил он и бросил взгляд на жестянщика, нависшего на его креслом. Кейн, как всегда невозмутимый, только бровь приподнял. Глюч едва не улыбнулся: нелегко было заставить Кейна проявить беспокойство.

— Ты оторвал три пуговицы за последние десять минут, — усмехнулся жестянщик. — Вот я и подумал, может, ты волнуешься.

Глюч отвел глаза, поджал губы и спрятал непослушные пальцы в ладонях.

— Ну, раз уж ты спросил... — с трудом заговорил он, задыхаясь от волнения, — я немного...обеспокоен, да. Но это ведь вполне естественно, на мой взгляд. С учетом обстоятельств...

Он оглянулся и понял, что Дикарь и Азкаделлия смотрят на него. ДиДжи и Ахамо изо всех сил пытались отвлечь королеву: она явно переживала больше всех.

Кейн резко протянул руку, чтобы похлопать его по плечу, и Глюч даже не отпрыгнул, а извернулся и отпрянул одним гибким движением. Он удивленно уставился на Кейна, и тот поспешно убрал руку и отвел смущенный взгляд.

— Ты же знаешь, они здесь ради тебя. ДиДжи и королева убьют любого, кто попытается навредить тебе.

Да уж, жестянщик умел утешить, и в другое время Глюч не преминул бы поддеть его, но сейчас он не мог выбросить из головы это слово — "навредить". Его дыхание участилось, он стиснул руки еще сильнее. Он не будет думать об этом. Он не будет думать, что ему навредят. Что его снова положат на стол. Что его... что его привяжут ремнями, чтобы удерживать голову неподвижно, пока они работают. Что... что... что...

— ...головый? Глюч! — Кейн стукнул его по плечу, вытаскивая из безмолвного сбоя. Глюч вздрогнул, машинально накрыл руку Кейна своей и заморгал. Он поднял голову, посмотрел в обеспокоенное лицо Кейна, и жестянщик выдохнул с облегчением, увидев, что тот уже пришел в себя. Но тут же нахмурился.

— Что, настолько плохо?

Что-то сжалось внутри, и Глюч обернулся к другу.

— Нет! Совсем неплохо! Да у меня вообще все хорошо, Кейн! Знаешь что, давай-ка ты сам залезешь обратно в свой костюм и сразу поймешь, каково мне сейчас! Обещаю, я тебя потом выпущу! — проговорил он ядовито, с такой же вспышкой гнева, какую не смог скрыть тогда, в Северном дворце, вечность тому назад. Кейн изменился в лице, и он осознал, что сказал, и отвернулся, пристыженный.

— Прости, — пробормотал он. Повисло долгое молчание. Глюч внимательно разглядывал свое колено сквозь дыру в брюках, изо всех сил стараясь не замечать обеспокоенные взгляды в их с Кейном адрес. Его пальцы теребили истрепанные манжеты, выстукивая нервный ритм. Он не хотел обидеть Кейна.

Кейн откашлялся.

— Ничего, — глухо отозвался он. — Я понимаю, что ты имел в виду.

Глюч выдохнул, виновато улыбнулся, разжал руки и хлопнул по коленям. Потом поднял взгляд на всех них.

— Извините меня, — сообщил он и, склонив голову, улыбнулся шести встревоженным людям. —

Похоже, у меня от страха последние синапсы отказали. Но вам не стоит волноваться! — он взмахнул руками, все еще улыбаясь. — Все будет хорошо. Конечно, будет, ведь вы все здесь и присматриваете за мной. Особенно ты, Азка-ди, — неожиданно добавил он, заметив ее виноватый взгляд.

Бывшая чародейка оторопело посмотрела на него и отвернулась.

— Я думала, я последний человек, которого вы бы хотели сейчас видеть рядом, — пробормотала она. Диджи перегнулась через подлокотник дивана и успокаивающе похлопала ее по руке. Глюч улыбнулся им.

— Вообще-то последний человек, которого я сейчас хотел бы видеть рядом, — это он.

И Глюч указал на алхимика, который, к несчастью, выжил после нападения Дикаря. Как оказалось, бить током человека в резиновом костюме не очень эффективно. Увы, ведь Глюч и Дикарь порадовались бы, получи он то, чего заслуживал. С другой стороны, если бы Дикарь преуспел, Глюч не смог бы вернуть свои мозги. Ведь больше ни у кого в О.З. не было нужных навыков. Что возвращало к мысли, что вернуть мозги можно, только если позволить ему... Нет, он не будет об этом думать!

Он подавил приступ паники и снова повернулся к Азкаделлии.

— Но та единственная, которая может его запугать и принудить к сотрудничеству, — на моей стороне. Это радует, — улыбнулся он.

Азкаделлия вспыхнула и опустила голову, Диджи сжала ее руку. Все обернулись к принцессам, и Глюч ощутил себя свободнее.

Ну, почти все.

— Знаешь, я ведь вижу, что ты делаешь, — негромко проговорил Кейн у него за спиной. Глюч закатил глаза.

— Да. Эгоистично, правда? — отозвался он. — Я не виноват, я просто не могу думать, когда люди паникуют. Как я могу успокоиться и подготовиться, если они все ведут себя, будто на мои похороны пришли!

Жестянщик задумался. Глюч не смотрел на него. Он снова уставился на свои проворные пальцы. Они перебирали остатки золотого шитья, блестящий узор, успокаивающе простой и сложный. Нет, это не глупая мысль. И он тоже не глупый.

— Ты же понимаешь, тебе не обязательно это делать, — мягко проговорил Кейн, и Глюч спрятал торжествующую улыбку. Так он и думал.

Он понимал, что их беспокоило. Королева и Ахамо опасались, что Амброз не вернется, даже получив мозги обратно. Кейн боялся, что если Амброз вернется, то Глюч больше не будет прежним. Азкаделлия... что ж, Азка-ди боялась, что он никогда не оправится после того, что с ним сделали по ее, как она думала, вине. Насчет Дикаря и Диджи он не был так уверен, но полагал, что они просто расстроены из-за его страданий. И это было ему больше всего по душе.

Но сам Глюч не беспокоился. Возможно, он начал бы глючить, пытаясь это объяснить, но он знал,

что возвращение мозга не изменит его. Он это понял, когда они пытались отключить сеялку. У него отобрали только лишь воспоминания, часть мозга, благодаря которой он помнил разные штуки. То были важные воспоминания, о да, очень важные, но это не был он сам. Его суть. Его душа. А ведь самое главное — это душа, вот что он думал.

Нет. Это его совсем не беспокоило. Что его беспокоило, так это... что он должен добровольно вернуться в ту комнату, лечь на стол... Его беспокоило, что он должен вернуться в свой худший кошмар, который отравлял ему жизнь с тех пор, как Дикарь и ДиДжи помогли ему вспомнить прошлое в хижине у разлома. Он хотел... Он хотел бы, чтобы у него отобрали эти воспоминания. Но он понимал, что в этом не было смысла. Зачем забирать воспоминания о том, что происходит прямо сейчас? Глупости.

Но он знал, о чем беспокоились они: кто выйдет к ним, когда все закончится. И он не знал, как их успокоить. Он понятия не имел, что сказать королеве. Он придумал бы, будь у него его старые воспоминания, но Глюч не знал ее, а та небольшая часть, что осталась от прежних дней, когда он был советником, подсказывала ему, что сумкоголовый вроде него и не мог никого знать из августейших особ. Кроме ДиДжи разве что. Она была другой. Но... Он улыбнулся. Он знал, как успокоить Кейна.

— Эй, жестянщик, — негромко окликнул он и бросил на Кейна хитрый взгляд. — Помнишь нашу первую встречу?

Кейн нахмурился, пытаясь понять, не впал ли он в слезливую сентиментальность, и если да, то как его отвлечь.

— Да, — осторожно ответил он. Глюч ухмыльнулся.

— Помнишь, я говорил, что у меня есть имя, и когда я его вспомню, я тебе скажу?

Он ухмылялся все шире, пока Кейн хмурился, вспоминая.

— Так вот, это очень грубо с твоей стороны, ведь я сказал тебе, когда мы разбирались с сеялкой, а ты так и не зовешь меня Амброзом!

Кейн уже готов был возразить, но закрыл рот и задумался. Глюч улыбнулся. Жестянщик умный! Он все поймет, если дать ему подсказку. Глюч был Амброзом, даже без мозгов, но что ее важнее для Кейна, Амброс тоже был Глючем. Или станет, уже совсем скоро. И все же он предпочел бы, чтоб его называли по имени.

Прежде чем Кейн сформулировал остроумный ответ, в комнату вошли двое, одетые в белые резиновые костюмы алхимиков. Все вытянулись в струнку, включая Глюча, и он застыл от ужаса. Вот оно. Вот оно. Только б не заглянуть. Только б не заглянуть.

— Знаешь, — проговорил он спокойно, хотя ноги его дрожали, пока он поднимался, — как бы я хотел этого не делать.

Но он выпрямился, задрал подбородок, точь-в-точь как тогда у озера, и чуть улыбнулся, когда их лица дрогнули, как его колени. Готовый встретиться лицом к лицу со своим кошмаром, он направился к двери, ДиДжи и Азкаделлия шли следом.

На пороге его окликнул Кейн.

— Эй, сумкоголовый! — подчеркнуто проговорил он. — До встречи на той стороне.

И Глюч улыбнулся. Жестянщик умный, это точно!

***

Его пальцы дрожали, когда он застегивал новый шитый золотом мундир. Конечно, ему еще не стоило вставать, он знал. В голове было то ужасное, порожденное обезболивающим ощущение, когда онемение уже исчезает и боль понемногу просыпается, и через час или около того голова будет просто раскаливаться. Он не знал, как долго пролежал здесь, но сейчас было утро, а прежде был вечер, и, кажется, операция была даже не вчера. Да неважно. Он не мог больше лежать в одиночестве, обуреваемый ворохом мыслей. Просто не мог.

Когда ему удалось справиться с одеждой, он поднял голову и выждал минуту или десять. Просто дышал, готовясь к следующему шагу. Встать. И это был очень серьезный шаг. Таким же беспомощным он был сразу после первой операции. Но, к счастью, сейчас у него была собственная комната и постель, и это было гораздо лучше, чем тюремная камера, кучка насмешливых длиннополых, и то дивное время потом, когда он валялся ничком в грязи у башни. Трудновато сохранять достоинство, когда в голове молния, а вокруг лужа. Но он пытался.

Ладно. На счет "три"...

Он ухватился за спинку кровати, ловя равновесие, пока комната бешено кружилась перед глазами. Дыши. Просто дыши. Мир сейчас перестанет вращаться. Подожди немного...

И к счастью, так и случилось. Все вокруг стало на место с явным щелчком, который он буквально ощутил внутри головы и задался вопросом: может, это не мир, может, это его мозги стали на место. Было бы очень кстати.

Он собрался, привычно выпрямил спину и улыбнулся, заметив, что машинально принялся тереть манжет. Вредные привычки из двух таких разных жизней, и все теперь у него. Он надеялся, что сможет контролировать себя при необходимости. Не все, чего нахватался сумкоголовый бродяга, придется ко двору в королевской свите. Хотя... На самом деле Глюч отлично справится с придворной жизнью. Это нужно будет обдумать, да еще учесть, захочет ли он вообще оставаться при дворе. Но это можно потом. Есть более неотложное дело.

Он решил идти в маленькую столовую. В такую рань они вполне еще могли завтракать. Подойдя к полуоткрытой двери и услышав звуки из комнаты, он усмехнулся: Диджи и Кейн обменивались ехидными замечаниями, а королева пыталась их успокоить. Так он и думал.

Все немедленно замолчали и замерли, когда он вошел и криво улыбнулся, глядя на них. Диджи и Кейн у дальнего конца стола, кусочек тоста вот-вот вывалится из пальцев принцессы. Королева и Ахамо во главе стола, смотрят потрясенно. Дикарь напротив них, улыбается понимающе. Азкаделлия повернулась в кресле, чтобы посмотреть на него. И на секунду он словно оказался в прошлом и поддался непреодолимому желанию, уступил многолетней привычке. Если сомневаешься — представься.

— Привет! — жизнерадостно воскликнул он. — Я Глюч. Мы знакомы?

Эффект был просто потрясающий. Диджи и Кейн смутились, причем Кейн явно испытывал смесь облегчения с разочарованием. Королева с болью в глазах опустила голову на плечо Ахамо. Дикарь помрачнел и смотрел осуждающе. А Азкаделлия... Азкаделлия смотрела так, будто он в нее выстрелил.

Амброз виновато улыбнулся и подошел ближе.

— Простите меня, — проговорил он с легким поклоном. — Это была глупая детская выходка. Мне очень жаль.

Королева подняла голову, в глазах ее загорелся огонек надежды.

— Амброз? — спросила она дрожащим голосом. Ахамо мягко сжал ее плечо и бросил на него укоризненный взгляд, мол, как ты мог огорчить ее. Амброз был с ним согласен.

— Совершенно верно, ваше величество, — отозвался он и склонил голову. — Ну, более-менее. Очень рад снова видеть вас.

Она улыбнулась в ответ и прижала пальцы к губам, глаза ее заблестели от слез. Он метнулся к ней и протянул платок таким привычным для Глюча утешающим жестом. Он много узнал об этом, пока бродяжничал. Она взяла платок, улыбаясь сквозь слезы. Он осторожно коснулся ее руки, игнорируя свирепые взгляды Ахамо, а затем повернулся к остальным. В первую очередь, к Азкаделлии.

— Мне очень жаль, принцесса, — повторил он мягко. — Вы простите меня?

Она проглотила комок в горле, качнула головой, не в силах сказать ни слова, а он не мог понять выражения ее прежде гордых черт. Она повернулась к нему, и глаза ее были так же полны слез, как и у ее матери.

— Я? Прощу вас? — проговорила она, и взгляд ее скользнул по шраму, который отметил его голову, видимо, навсегда. — Разве не должно быть наоборот, советник?

Он опустился на колени рядом с ней, благо, он теперь помнил придворные манеры, и нежно взял ее за руку.

— Аз, принцесса, — ласково улыбнулся он. — Не говорите глупостей.

Он поцеловал ее руку, и она засмеялась от радости и слегка ткнула его в плечо в ответ.

А потом была их очередь. Его друзья, в горе и в радости. Он вглядывался в их лица. Диджи улыбалась его выходке и радовалась, что он счастлив. Дикарь излучал спокойное понимание, чуть приправленное укоризной и согретое радостью. И Кейн, в чьих глазах все еще пряталось беспокойство, неуверенно радовался за него. Он и вообразить не мог, что такие странные и разные люди смогут найти общий язык, и ничто в жизни, хоть с половиной мозга, хоть с целым, не радовало его так, как то, что они все-таки были вместе.

Он неторопливо обошел вокруг стола, остановился на мгновение, опустив руку на мохнатое плечо Дикаря, и подошел к Диджи и Кейну. Оперся на спинки их стульев, наклонился и заглянул сначала в одно любопытное лицо, потом в другое. И ухмыльнулся.

— Эй, жестянщик, что на завтрак, яичница? Поделишься со старым другом?

Улыбаясь во весь рот, он потянулся за вилкой, но угрюмый бывший коп хлопнул его по руке.

— Сам себе завтрак найди, — буркнул Кейн, и мир снова щелкнул, становясь на место, но в этот раз он не обратил внимания. Он выдохнул, расправил плечи, наслаждаясь этим мигот радости и глупо улыбаясь. Диджи пыталась сдержать хохот, а Кейн густо краснел от смущения и радости, которую пытался скрыть, но это было бесполезно. Дикарь прекрасно отражал радость своего немногословного друга, но Амброз достаточно знал Кейна, чтобы и без того понять его.

Он сел между Дикарем и Азкаделлией и с удовольствием принялся за яичницу, наконец-то ощущая себя целым. И когда Кейн посмотрел на него долгим взглядом и усмехнулся: "Рад увидеть тебя прежним, Амброз", он лишь усмехнулся в ответ.

— Это как ритм, жестянщик, — он снисходительно помахал вилкой. — Некоторые вещи...
— Идут прямо от души, — договорил Кейн и закатил глаза.

А душа — это самое главное.

Название: Зимняя сказка

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: миди, 12 800 слов

Пейринг/Персонажи: [Амброз](#), [Азкаделлия](#) ([Амброз/Азкаделлия](#) с четвертой главы), [ДиДжи](#), [Королева](#), остальные понемногу

Категория: гет

Жанр: драма, AU

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: Это история, вдохновленная драбблом [«Если»](#) из прошлогодней выкладки команды ДаркОЗ, и одно из возможных продолжений этой ситуации. Полное AU к канону. Разрешение автора на продолжение получено.

Краткое содержание: Когда-то давно юная Азкаделлия и маленькая ДиДжи нашли странную пещеру в лесу, но не полезли в нее, а позвали советника Амброза. Они уже и забыли о том странном происшествии. Время идет, принцесса Азкаделлия растет, переживает первую влюбленность и мечтает о том дне, когда станет королевой О.З.

Примечание: в посте заявок просили еще Амброза/Азкаделлии. Дорогой анон, автор надеется, что вам понравится!

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с разрешения автора.

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Зимняя сказка"

Глава первая. Весна перемен

Почту принесли после завтрака. Азкаделлия сразу углядела большой розовый конверт и потянулась за ним, не дожидаясь, пока мама разберет письма.

— Опять твой глупый журнал, — ДиДжи надула губы. — Будешь его читать целый день...

— Аз поиграет с тобой после уроков, — вмешалась мама. — Правда, милая?

— Конечно, — торопливо закивала Азкаделлия, прижимая конверт к груди. — Поиграю. Мама, можно я пойду к себе и почитаю? Там продолжение повести о Фарфоровой стране...

В комнате она приладила на место колокольчик — он звякнет, если кто-нибудь откроет дверь, и Азкаделлия успеет сунуть настоящий журнал под подушку и взять второй, вложенный в конверт как раз для таких случаев. Ну и еще чтобы показать маме или ДиДжи, что это с таким вниманием читает старшая принцесса. Это пригодились, когда ДиДжи время от времени принималась ныть: «Что ты там читаешь и хихикаешь, дай и мне». Вот, пожалуйста, еженедельник «Стрекоза», чтение для благородных отроковиц: рассказы, стихи, советы, модные картинки. «Как мило», — сказала мама. «Ну и скукотища, не пойму, чего ты там нашла», — скривилась ДиДжи. Честно говоря, журнал и вправду был скучный. Вернее, был бы, если бы не...

Она залезла с ногами на кровать, оторвала клапан, вытряхнула оба журнала и радостно рассмеялась: второй экземпляр назывался «Стрекозайчик». Лишние буквы, такие же витиеватые, как и настоящий шрифт, нахально залезли в прическу фарфоровой куклы на обложке. В прошлый раз была «Стрекозьявка», а в позапрошлый — «Стрекозища». Все еще хихикая, Азкаделлия быстро перелистала страницы, пока только листала, не вчитываясь, но выхватывая взглядом пометки на полях там и сям, ура, много пометок, а на страничке юмора с приличными шутками и пристойными анекдотами — целая петиция мелким почерком, но настоящее письмо тоже было, большое и чудесное, три листа почтовой бумаги, вложенные между рекламными вклейками. Азкаделлия развернула письмо, и сердце привычно подпрыгнуло и сладко заныло.

«Привет, моя внимательная! Да, ты права насчет пиктограммы: это обезьяна, переписчик просто потерял кружок. Возможно, принял его за дефект пергамента? А переписывал явно автоматически, точнее сказать, перерисовывал. Молодец! В конце письма найдешь еще один отрывок на перевод, в этот раз несложный, но интересный. Посмотрим, как ты справишься с предпоследней фразой!

Ну и хватит о делах. Что, жарко уже в Финакве? Я смотрел погодные сводки, по-моему, просто удивительно жаркая весна. Наверное, озеро уже совсем прогрелось...»

***

Это придумал советник Амброз. Прямо перед отъездом из Северного замка, когда Азкаделлия неожиданно для самой себя затосковала при мысли о длинном лете в Финакве.

Северный замок готовился к летней спячке. Мебель накрывали чехлами, гобелены снимали, сворачивали и прятали подальше, чтобы не выгорели на солнце. На прекрасные витражи и панорамные окна опускались глухие ставни. Замок мрачнел, темнел, становился гулким и печальным, впору было радоваться переезду в чудесную зеленую Финакву, но Азкаделлия внезапно загрустила. Она бродила по верхнему этажу, рассеянно трогая перила и грубую мешковину чехлов, и сама не могла понять, отчего ей так тоскливо при мысли о летнем дворце на берегу озера.

В библиотеке перебирал книги советник. Он пробегал пальцами по корешкам книг, отбирал то одну, то другую, складывал их в сундук и мурлыкал негромко какой-то городской романс. Азкаделлия остановилась на пороге и почувствовала, как под веками закипают слезы. В нем было все дело. В Финакве его не будет.

На зиму весь двор перебирался в огромный Северный дворец, но на лето королевская семья уезжала в Финакву, а советник с остальным двором — в столичную резиденцию. Он приезжал раз в месяц, а то и реже: привезти особо важные бумаги, которые нельзя было отправить почтой, или сопроводить маму на столичные мероприятия. Азкаделлия радовалась его приездам из-за новостей, книг и гостинцев, но никогда не скучала, когда он уезжал. Теперь будет, поняла она. Она привыкла к нему за эту зиму. Привыкла, что можно приходиться в лабораторию, где жужжали и двигались непонятные, но красивые механизмы. Он никогда не отмахивался и не прогонял ее,

даже если был занят. «Через полчаса, Азка-Ди, — говорил он, склоняясь над переплетением проводов или отмечая показания приборов. — Посиди пока вон в том кресле, можешь взять книгу». Книги лежали на столе, на подлокотнике и даже на полу, Азкаделлия брала ближайшую. Иногда попадалось что-то научное, где понятно было едва ли одно слово в абзаце, но чаще — старые книги об О.З., летописи и хроники, с гравюрами, портретами, вручную раскрашенными картами, неточными и неправильными, где в Океане жили русалки, а в землях Папай — страшные зубастые твари. «Сказания Особой Зоны», толстый том в тисненой кожаной обложке, украшенной маленькими самоцветами, вообще были написаны древними рунами. Азкаделлия сначала развлекалась тем, что находила знакомые знаки и переводила случайные фразы, а потом Амброз начал выбирать ей отрывки на перевод. Выбирал всегда интересное: о создании Зоны, о путешествии по радуге, о волшебном жемчуге...

Эту книгу Амброз как раз держал в руках, когда обернулся. Азкаделлия торопливо проглотила слезы и постаралась улыбнуться: чего она, в самом деле...

— Азка-Ди! — обрадовался он. — Ты за книгами? Хочешь взять что-нибудь в Финакву?

— Нет, — смутилась Азкаделлия. — Я просто...

— Прощаешься с замком до осени, — кивнул он. Совершенно серьезно, без привычной иронии. Положил «Сказания» на стол у камина и снова повернулся к полкам.

Азкаделлия села в кресло, посмотрела в камин, сейчас пустой и холодный. А может, сказать? Ну просто сказать, мол, буду скучать по тебе в Финакве, разве это неприлично или нехорошо? Она теребила нитку из кресельной обивки и не решалась.

Амброз подошел, сел на скамеечку для ног, посмотрел на Азкаделлию снизу вверх.

— Я буду скучать, — просто сказал он, и Азкаделлия замерла от неожиданности и от непонятного счастья. — По этой зиме, по нашим разговорам... По тебе. Может, тебе не очень интересно было...

— Неправда, — выпалила она. — Мне было очень интересно.

Он улыбался, держа ее руку в больших ладонях.

— Я тоже буду скучать, — добавила Азкаделлия. — Очень! Приезжай почаще...

— Я не могу, принцесса. Мое место в столице, мне нужно работать. Ее величество многое мне доверяет, но и спрос высок. Я и сам бы рад... Можно я буду писать тебе?

Письма! Как же она сама не догадалась! Ну конечно же, письма, это будет так чудесно, она будет получать от него письма с рассказами о столичной и придворной жизни, он всегда так чудесно и весело рассказывал, а Азкаделлия будет писать ему в ответ... да хотя бы о прочитанных книгах и прогулках в лесу, ведь он всегда ее так внимательно и здорово слушал!

— Да, пиши мне каждую неделю, пожалуйста!

Амброз вдруг помрачнел и выпустил ее руку.

— Я... Прости, Азка-Ди, это, наверное, не лучшая идея. Твоя мама просматривает почту, она захочет узнать, о чем я тебе пишу, ты покажешь ей мои письма... О, это глупо, я не собираюсь писать ничего предосудительного, но одно дело — когда мы разговариваем вдвоем, и совсем другое — когда рядом она и наш ангел, правда?

Я не покажу ей, хотела сказать Азкаделлия и запнулась. Ну а как иначе? Почту в Финакву доставляли королеве, она потом перебирала конверты и отдавала папе его письма из художественной галереи, а Мэри — записки из Миллтауна.

— Но это всего лишь письма, — отчаянно проговорила она. — И даже не обязательно от тебя, на конверте можно написать что-то другое, я могу же получать....

Что? Не ответы же от художественной галереи...

— Журнал, — радостно проговорил Амброз и засиял точь-в-точь как когда упрямая шестеренка становилась, наконец, на место. — Ты можешь получать журнал для юных барышень, с полезным чтением и добрыми советами. Редакция будет счастлива, что сама принцесса заинтересовалась их скромным изданием. Я найду какой-нибудь еженедельник, а письмо буду просто класть внутрь. Здорово?

— Гениально! — восхитилась Азкаделлия.

Первый номер «Стрекозы» в розовом конверте оказался в почте буквально через два дня после приезда. Письма не было, как Азкаделлия ни листала и ни трясла журнал. Забыл? Не придал значения? Решил, что это глупо? Она сердилась, без настроения бродила по парку и довела ДиДжи до слез. Следующий конверт валялся нераспечатанным два дня, пока она не решила все-таки почитать продолжение повести про Радужную принцессу.

Письмо лежало между страниц с повестью. «Азка-Ди! Я надеюсь, что тебя не очень рассердила моя параноидальная выходка. Не рискнул отправить письмо с первым же номером, чтобы ты могла спокойно вскрыть конверт при всех и дать журнал кому угодно. Теперь мучаюсь от мысли, что ты ждала письма и огорчилась. Дважды параноик! И самое ужасное — ведь я не получу ответа, пока не увижу тебя. Я приеду к весеннему полнолунию, чтобы сопровождать ее величество в Зеленый Клин на праздник первого цветения. Постараюсь приехать заранее, чтобы провести в Финакве хотя бы пару дней, и надеюсь, что даже если рассердил тебя, ты к тому времени сменишь гнев на милость. Ты ведь не ездила еще ни разу на первое цветение? В прошлом году мы ездили в Яблочный дол, вне очереди, там урожая не было уже два года, нужно было срочно обвести сады рунами. С нами был еще королевский виночерпий — помнишь того бородатого типа? — и дама из попечительского совета, которая решила проверить местную школу, а по-моему просто хотела сбежать из этого совета хотя бы на недельку. Впрочем, не мне ее осуждать: при виде попечительниц мне хочется бежать не то что в Яблочный дол, а в земли Манчкинов! Так вот, в Дол мы приехали к вечеру...».

До весеннего полнолуния она успела получить еще один конверт, на этот раз с двумя журналами: один обычный, а второй весь пестрел пометками на полях. «Драгоценная принцесса, я решил почитать, какой кладезь отроческой мудрости ты получаешь каждую неделю. Разнеси меня дорожный ураган, что я наделал? Надеюсь, ты не читаешь его всерьез. Над рассказом на стр. 6-9 хохотал, как безумный. Но, боюсь, автор не на такой эффект рассчитывал. Я там вставил свои замечания на полях и альтернативную концовку, надеюсь, она скрасит тебе эту нравоучительную кашку с сахарным сиропом. Кстати, что скажешь о финале Радужной принцессы? По-моему, линию с амулетом слили довольно беззубо. Если всерьез рассуждать о перспективах, которые открываются для человека с таким амулетом...»

Она читала письма и журналы (о, с комментариями, шутками и альтернативными концовками они были гораздо, гораздо интереснее!), и казалось, Амброс сидел рядом. Хихикал, вставлял едкие фразочки, спорил или наоборот, соглашался. Она писала ему длинный ответ вечерами, он забирал его, когда все-таки приезжал, а потом как-то написал: «Перечитывал вчера твое письмо», и она рассмеялась от радости — перечитывал! Она с нетерпением выглядывала драгоценный розовый конверт, и заряда радости от него хватало на целую неделю: читать, перечитывать, сочинять ответ, переводить кусок из «Сказаний». «...И не смей забрасывать переводы! Знание — сила, и мне можешь верить, это не пустые слова. Ты должна знать не только рабочие руны для королевских обязанностей, а вообще все. В библиотеке есть немало древних свитков, скрепленных магической печатью. После коронации ты откроешь их, чтобы получить древние знания и обрести величие истинной королевы! Так что вперед, в этом письме — Легенда о волшебном поясе подземного короля, и не вздумай переписывать ее из хрестоматии: там совсем детская сиропная адаптация, на самом деле все было не так...»

***

— Советник приедет через три дня, — сказала мама за ужином. — Дорогой, тебе нужно что-нибудь прихватить из столицы?

Азкаделлия от волнения не услышала, что ответил отец. Через три дня, надо же! Надо успеть дописать письмо, и перевод, и.... Она торопливо допила чай и, отпросившись, убежала к себе. До вечерней музыки еще есть время, можно что-нибудь сделать. Но за ней увязалась ДиДжи.

— Дидж, — Азкаделлия покосилась на свой секретер. Крышка была, к счастью, закрыта, не видно

ни письма, ни журнала. — Мне нужно написать кое-что. Это по урокам, я обещала советнику в прошлый раз, а ты знаешь, какая у него память, он приедет — спросит.

— У-у, зануда Амброз, — скривилась ДиДжи. — Аз, скажи маме, пусть отстанет от тебя.

— Он не пристаёт, я сама ему пообещала. Ну, сестренка, будь умницей. Я же играла с тобой после уроков, и вечером еще почитаем. Там про Фарфоровую страну дальше интересно.

— Ладно, про фарфорчиков интересно, — сдалась ДиДжи. — А Амброз все равно зануда. Не обещай ему больше ничего, ладно?

— Ничего он не зануда, — не сдержалась Азкаделлия. — Он рассказывает интересные вещи, ты просто еще маленькая и не понимаешь.

— Он злой, — упрямо проговорила ДиДжи. — Сам шутит, а глаза злые и чернящие.

— Все, не вредничай. Перед сном почитаем, а сейчас я буду работать.

Азкаделлия закрыла за сестрой дверь и подняла крышку секретера. Письмо писать нет вдохновения, но можно перевести пару строк рун. А письмо потом, завтра, сейчас как-то мысли все разбежались. Все из-за той чуши, что наговорила ДиДжи.

Никакой он не зануда, и глаза у него не злые. Очень красивые глаза, карие и теплые.

Дунул ветер, на подоконник посыпались лепестки, из окна потянуло прохладой. Азкаделлия разглядела листок с рунами, четко выведенными сильной, уверенной рукой. Он приедет через три дня — в первый день лета. Это была лучшая весна в моей жизни, подумала она, тут же смутилась собственной высокопарности, мотнула головой и взяла чистый лист для перевода.

Глава вторая. Летние впечатления

— Ты поедешь в Эвну на закладку первого камня в фундамент, — негромко проговорил Амброз. Лишних ушей рядом не было, но он все равно понизил голос и наклонился к ней. Азкаделлия совершенно не возражала.

— Правда?

— Откладывать без повода нельзя, а если объявить о болезни младшей принцессы, городской совет всполошится. К тому же с ней ведь ничего серьезного? Еще пару дней полежит в постели, и все будет хорошо.

Азкаделлия кивнула. Противно, конечно, болеть среди лета, но что поделать. Одно у болотной лихорадки хорошо: после нее иммунитет на всю жизнь. Азкаделлия сама переболела, когда ДиДжи была совсем крошкой, вот сестренку и не зацепило. А сейчас не зацепило Азкаделлию.

— О торжественном открытии написали в газетах, его подгадали к Летней ярмарке, гостей будет просто море! Отложить совершенно невозможно, так что ей придется отправить тебя. Там всего лишь нужно нарисовать стандартные руны на постройку нового здания, ты справишься с закрытыми глазами.

— Амброз! — она внезапно испугалась его словам про море гостей. — А если не справлюсь? Если я их нарисую, а они не оживут?

— У кронпринцессы О.З. руны не оживут? Ваше королевское высочество, прекратите нести чушь! Она залилась краской и опустила глаза. На самом деле ей еще рано было зваться кронпринцессой, ей всего шестнадцать, кому, как не советнику, это знать! Но она понимала, он хотел ее ободрить.

— Возвращайся во дворец, — предложил Амброз. — Возможно, она поговорит с тобой перед ужином, а может, и прямо сейчас. И о нашем разговоре...

— Ни слова, — кивнула Азкаделлия. Об этом можно было и не упоминать, она давно ни с кем не делилась подробностями о своем общении с советником. ДиДжи его не любила и практически не скрывала неприязни. А мама... Азкаделлия боялась, что мама не одобрит. В конце концов, Амброз был ее советником и ей привозил отчеты, прошения и доклады. Мама не торопилась посвящать в них наследную принцессу, даже после осторожной просьбы только улыбнулась и ласково взъерошила ей тщательно уложенные локоны. «Ты еще ребенок, Аз, милая, не суши себе голову

скучными делами. Тебе еще успеют надоесть указы и жалобы городского совета». Ну разумеется, Азкаделлия не собиралась прямо завтра отбирать у нее большую королевскую печать. И даже после совершеннолетия не собиралась. После коронации она сядет по правую руку от матери и начнет ей помогать с делами, в первую очередь на ее плечи ляжет благотворительность и попечение образованием, ей Амброз рассказывал о традиционной сфере занятий наследницы. Пока она еще несовершеннолетняя и малая корона наследницы лежит на подушке в тронном зале столичной резиденции, но ведь уже можно понемногу знакомить ее с будущими обязанностями? Ведь ей уже шестнадцать, а о ней даже в столичных газетах не пишут.

И вот теперь — шанс. Нехорошо так думать о болезни сестры, но... ей ведь и вправду уже почти не плохо. Особенно когда рядом мама, обновляет целительные руны и читает ей книжку.

Послезавтра, а может, даже завтра к вечеру ДиДжи будет здорова, вот только в Эвне нужно быть завтра к полудню. А значит, поедет Азкаделлия. Одна. С Амброзом.

— Дитя мое, — сказала мама, — мне так жаль, что это обрушивается на тебя так внезапно и без подготовки. Амброз позаботится, чтобы торжественную часть сократили до минимума. Ты просто приедешь, примешь приветствия, начертишь руны — и сразу уедешь. К вечеру ты уже будешь дома.

Азкаделлия кивала, стараясь улыбаться не слишком откровенно. Да, конечно, она постарается. Да, она будет ужасно волноваться, но что поделать. Да, она понимает, что это только потому, что малышка еще болеет.

— Выезжаете завтра утром. Примерь мое синее платье, Мэри подберет подол. Ложись пораньше, речь прочитаешь по дороге. Амброз...

— Только крошечное приветственное слово, ваше величество. Мэр предупрежден, он переделает свое выступление и скорректирует программу.

Конечно, она вертелась полночи, пытаясь представить, как все будет завтра, заснула под утро, но вскочила, едва Мэри коснулась ее плеча. Торопливо глотала чай, пока Мэри зачесывала ей волосы в модную нынче в столице «улитку». Потом шелковое платье, первое взрослое платье в ее жизни и то не ее, мамино, ну ладно, не все сразу. Мэри затянула шнуровку, корсет с непривычки врезался в ребра, мама застегнула ожерелье.

— Еще перчатки... Там такая жара, бедная моя девочка.

— Перчатки наденем в машине перед выходом, — предложил Амброз откуда-то из коридора. — Спускайтесь, ваше высочество.

Азкаделлия шагнула к лестнице, едва не наступила на подол и похолодела. Мэри охнула за спиной.

— Туфли!

Она совсем забыла, и мама, кажется, тоже... Что же ей теперь, надевать свои детские ботиночки под прекрасное, нежное и уже специально для нее подшитое платье? Ну, под подолом почти не видно... Или видно все-таки?

— Ваше величество, я умоляю, принцессе уже пора выезжать, — Амброз замаячил на ступеньках, сияя пуговицами и эполетами, словно с собственного парадного портрета сошел. Азкаделлия бросила на него отчаянный взгляд.

— Туфли... — прошептала она, чувствуя, что вот-вот расплечется.

— А! Прошу прощения, ваше высочество, туфли, конечно же! Мэри, саквояж, бархатный футляр! Как я мог забыть...

Серебристые туфельки на тонких каблуках, восхитительно сверкающие бриллиантовыми искрами. Они казались маленькими, но пришлось впору. Серебряные... не те самые, конечно, но как выглядят те самые, знает только королева, да и то если встречалась с прародительницей. Серебряные туфли, часть коронационного наряда, символ королевского величия...

Она осторожно ступала на непривычно высоком каблуке, шелковый подол с легким шуршанием полз по ступенькам, черный локон подпрыгивал на голом плече. Я сейчас умру от счастья, подумала Азкаделлия. Хотя нет, надо доехать до города.

В машине Амброз протянул ей листок с речью.

— Вот. Конечно, к приезду ты ее выучишь, но все равно держи перед глазами, чтобы не сбиться от волнения. Обрати внимание на обращение «господин бургомистр», Эвна старомодна.

— Они не любят столичных жителей, — вспомнила Азкаделлия.

— Они никого не любят, — хмыкнул Амброз. — Ни фермеров, ни манчкинов, ни горцев. Но ты ведь не столичный житель. Ты принцесса, их будущая королева. К тому же в твоих жилах течет эвская кровь. Твой прадед был из Эв, избранник Озмы Добрейшей тоже... Не бойся, они полюбят тебя. Держись уверенно и доверься мне. Я подскажу, что делать и как отвечать на приветствия. В конце концов Азкаделлия успокоилась. Амброз заставил ее прочесть речь вслух, а потом принялся расспрашивать о делах и последней поездке в Миллтаун. Забалтывал, конечно. Азкаделлия понимала это и была ему очень благодарна.

В Миллтаун она ездила с ДиДжи. Вернее, это ДиДжи ездила в Миллтаун с Мэри, отцом и иногда сестрой, если не удавалось отвертеться или было слишком скучно. Не сказать, что поездки к андроидам были хорошим развлечением, честно говоря, они немного пугали Азкаделлию, причем непонятно, кто был страшнее: жуткий отец Вью, наполовину человек, наполовину металлический шмель, или красавица Нэнси, нежная блондинка, совершенно неотличимая от настоящей девушки. В Миллтауне Азкаделлию накрывало неприятным осознанием, что привычная Мэри вообще-то тоже из этих и на обычную горничную похожа только внешне, и кто знает, что на самом деле творится в ее электронных мозгах. Зачем они живут так, зачем изображают пары или даже семьи, зачем одеваются, зачем строят дома и собирают всякие механизмы? Зато ДиДжи совершенно не мучилась этими вопросами. Она обожала Миллтаун со всеми его странностями, подружилась с двумя андроидами, которые изображали парочку фермеров средних лет, и с удовольствием раскурочивала их газонокосилку.

— Амброз, — внезапно спохватилась она. — Но тебе ведь интересно все это... механизмы, приборы, все эти... штуки? Я тоже должна увлекаться...

Она прикусила язык и обругала себя. Нельзя же так откровенно!

Он рассмеялся коротко, но необходимо.

— Азка-Ди, нет, конечно! Во-первых, они не создают ничего нового, они воспроизводят существующие технологии и механизмы. Да посмотри на уровень развития Миллтауна и столицы! А во-вторых, ты ничего не должна. Ты создана для другого. Твое место на троне, а не в мастерской! Давай, прочти речь еще раз, плечи разверни, подбородок не опускай. Ей пришлось прочесть речь еще раза три, когда Амброз наконец одобрительно покивал и открыл коробку с перчатками.

— Пора, надевай и готовься. Сейчас въедем в город, начинай улыбаться и слегка маши рукой толпе.

Верх машины сложился позади, в глаза ударили солнечные лучи. Азкаделлия села прямее, поправила локон, прищурилась, ища взглядом городскую стену и ворота. Обернулась к Амбросу: когда въезжаем-то?

— Уже, — ответил он одними губами. — Улыбаемся и машем.

Город начался совершенно внезапно, безо всяких стен и ворот. Низкий, словно растекшийся по земле, совсем не похожий на высокую столицу, он раскрылся и обрушился на Азкаделлию шумом, музыкой, радостными воплями. Люди были повсюду: стояли вдоль дороги, высовывались из окон и свешивались с балконов, кричали, бросали цветы и глазели, глазели, глазели. Азкаделлия растерялась на секунду, но встряхнулась, сжала пальцы Амброза левой рукой и уверенно подняла правую. Улыбаться и махать. Она справится.

Строительная площадка была убрана лентами и цветочными гирляндами, гости толпились под полосатым навесом.

— А помост на самом солнцепеке, — проворчал Амброз. — Ладно, потерпим. Прошу, ваше высочество. Улыбайся все время, руку подай бургомистру только для пожатия, высоко и ребром, больше никому не подавай. Вперед.

И через секунду — когда только успел? — он уже открывал ей дверцу, помогал выйти и раскланивался с толпой встречающих. Мэр, толстый и важный, в роскошном мундире, рядом дама в золотых кружевах — наверное, супруга. Азкаделлия подала ему руку, как было велено. «Приветствую, господин бургомистр», — шепнул Амброз за плечом, она повторила. Впереди волновалась целая вереница сановников и разодетых дам, сверкали ордена и украшения, покачивались плюмажи и высокие прически. Улыбающиеся и почтительные лица сливались в одно разноцветное пятно. К счастью, за спиной спасительный голос шептал: «Кивни, кивни, улыбнись, рада вас видеть, приветствую, господин главный архитектор, кивни, погладь ребенка по голове, ступеньки, улыбайся...»

Она поднялась на помост. Городской оркестр затих, все замолчали и замерли. Горячий воздух звенел над площадкой.

— Добрые жители Эвны! — начала Азкаделлия и вздрогнула, когда медные раструбы громкоговорителей разнесли ее голос над толпой. Во рту пересохло. Шепота за спиной больше не было, Амброз отошел на два шага назад, в почтительный полукруг за спиной. Сама. Она стиснула листок с речью и поняла, что помнит ее наизусть.

Когда она договорила, грянула музыка, в воздух взлетели цветы и шляпы. За спиной рукоплескали. Азкаделлия, удерживая улыбку, шагнула в сторону, чтобы пропустить вперед мэра. Ей ужасно хотелось поймать одобрителный взгляд Амброза — она ведь справилась? Просто блестяще, правда ведь? Но она не видела его лица, он все еще был за спиной, тронул ее за локоть, придвинул бархатную скамейку и затерялся в свите. Ну, зато скамейка... Очень кстати, ноги уже начали побаливать.

— Ваше высочество, — умильно проговорила бургомистерша и протянула бокал с водой на серебряном подносе. Азкаделлия выдохнула «Спасибо» и радостно выпила половину, прежде чем спохватилась — а можно-то хоть? Впрочем, исправляться было поздно, так что она допила воду и поставила бокал назад. Амброз вынырнул из-за спин и орденских лент, ловко сунул ей в руки веер и снова растворился среди эвской знати.

Неужели она все-таки провалилась? Нет, не думать об этом сейчас. В конце концов, речь — это ерунда, пустяк. Она приехала дать королевское благословение новому и нужному для города зданию, вот это важно. Руны.

Она сообразила, что если прикрыться веером, то улыбаться не обязательно. В остальном толку от него было немного: солнца заливали жаром площадь, горячий воздух едва шевелился от вялых движений веера, платье липло к спине, локоны липли к шее, ноги горели в тесных туфлях, руки потели в перчатках. Азкаделлия надеялась только, что пятна не проступят под мышками. Тем временем торжественные речи закончились, она поднялась. Амброз возник за плечом, незаметно отобрал веер, шепнул: «Позволь архитектору подвести тебя к фундаменту, не забудь сказать». Она протянула руку архитектору, осторожно ступала окончательно онемевшими ногами, уже на месте сообразила, что не улыбалась. Все, руны нарисовать, а потом хоть потоп. Она сдернула перчатку и прижала ладонь к разогретому камню. Прочность, надежность, долговечность. Руны засияли алым светом, заметным даже сейчас, бургомистр хрипло завопил: «Да здравствует принцесса Азкаделлия», толпа на площади подхватила крик, оркестр грохнул марш. Снова хотелось пить, а еще есть, несмотря на жару, и еще по-маленькому, а больше всего хотелось домой, в Финакву, и закрыться в спальне. И наверное, поплакать в подушку.

Бургомистр пыхтел рядом, говорил что-то, Азкаделлия не слышала его голоса за музыкой и шумом, а надо ведь что-то ответить...

— Вы же понимаете, господин бургомистр, — мягко отозвался Амброз, — никакой возможности остаться на банкете. Но ее величество передает наилучшие пожелания и жалует вино из королевских подвалов — его доставят к вашему столу. Ее высочество благодарит вас за теплый прием.

Бургомистр поклонился, Азкаделлия машинально протянула руку, он ее почтительно поцеловал — и испуганно взглянул снизу вверх. Не надо было, нельзя, не по протоколу, вспомнила она. Что

делать теперь? Все совсем плохо? Амброз молчал, она аккуратно отняла руку и проговорила, чтобы хоть что-нибудь сказать:

— Пусть обильная трапеза положит начало хорошему делу.

Потом спохватилась и повторила еще раз, уже не на древнем. Бургомистр расцвел счастливой улыбкой и кланялся до самой машины.

Он меня будет распекал до самой Финаквы и больше никогда никуда не возьмет, с тоской подумала Азкаделлия. Амброз смотрел в сторону, будто искал кого-то взглядом, и улыбался вежливо и напряженно. Выдернул из толпы женщину в строгом платье, быстро проговорил ей что-то на ухо, потом обернулся к Азкаделлии.

— Это камеристка супруги господина бургомистра. Прошу ваше высочество пойти с ней.

Женщина присела в глубоком реверансе и, не поднимая глаз, потащила Азкаделлию прочь от машины, куда-то в боковую улочку, в тенистый дворик, в глубине которого прятался уютный плющом дом. Резные двери, маленькая, но богато обставленная прихожая, коридор, увешанный портретами и гобеленами.

— Куда мы идем? — не выдержала Азкаделлия.

— Пожалуйста сюда, ваше высочество, — ласково сказала женщина и толкнула дверь, за которой, к стыду и неопишуемой радости Азкаделлии, оказалась уборная.

Камеристка бургомистерши привычно и спокойно помогла ей с нижними юбками (так вот зачем нужны были те завязки! ДиДжи рассказать, что ли...), потом подхватила шпильками локоны, обтерла плечи и руки прохладной водой. Сразу стало лучше, только вот есть теперь, в тени и прохладе, захотелось еще сильнее.

— Пожалуйста наверх по лестнице, ваше высочество, там выход на крышу.

Азкаделлия даже переспрашивать не стала. На крышу так на крышу, все равно она без чужой помощи дорогу обратно на площадь не найдет. Она поднялась по узкой лестнице, на секунду мелькнула сумасшедшая мысль, не разуться ли и не пойти босиком, но она не рискнула. Кто знает, что там на крыше....

На крыше была терраса, навес, низкие диванчики, груда подушек и Амброз. Он сидел, держа на коленях большой бумажный пакет, а при виде Азкаделлии вскочил на ноги, отставил пакет в сторону и пошел навстречу ей, улыбаясь радостно и совершенно ошеломляюще.

— Азка-Ди! Ты как? Ну что, мы молодцы, а?

Она ткнулась лицом в мундир и длинно-длинно вдохнула. Он обнял ее, легонько коснулся уже довольно растрепанной «улитки», погладил по плечу.

— Устала, да? Ох, маленькая... Ну ничего, ничего, ты привыкнешь, потом будет проще, а сегодня уже все.

Это уже было, вдруг ощутила она всей кожей, это уже было, они стояли ровно так же, она пыталась сдержать слезы, он успокаивал ее... Только это было в лесу. Они с ДиДжи не то заблудились, не то испугались чего-то... кажется.

— Ты великолепно справилась, — торжественно проговорил он поверх ее головы, и Азкаделлия снова тихонько всхлипнула. — Просто великолепно. Бургомистр к концу уже поплыл, ты видела? Руку целовать... Я потерялся, честно скажу. Но ты! Как ты безукоризненно вышла из положения, это просто... это восхитительно.

Он взял ее за плечи, заглянул в лицо.

— Азка-Ди? Ну, скажи мне хоть что-нибудь?

— Я так боялась, — призналась она.

— Совершенно не было заметно, — великодушно соврал Амброз, поймал ее взгляд и хмыкнул. — Ладно, разве что самую малость. Иди сюда. Есть хочешь? На банкет мы не едем, так что я притащил ярмарочной еды. Ужас, конечно, но ты же никому не скажешь?

Азкаделлия наконец-то рассмеялась, села на диванчик, сбросила туфли и с наслаждением пошевелила пальцами ног. Где-то за домами гнусавил ярмарочный орган, на соседней крыше поскрипывал флюгер, из бумажного пакета заманчиво пахло ужасной едой: жирной лепешкой с

печеными овощами, фермерской колбаской и сладкими пончиками. Азкаделлия болтала ногами, запивала лепешку холодным лимонадом и хихикала от смущения, потому что Амброз валялся рядом, небрежно подперев голову рукой, хрустел яблоком в карамели, рассказывал, как со стороны выглядела ее речь, и по всему выходило, что выглядела она превосходно, и ей очень хотелось думать, что приукрашивает он совсем чуть-чуть.

— Я забыла улыбаться, когда к камню шла, — вздохнула она и откусила от второго пончика.

— О да, у тебя был очень суровый вид! Один в один Эвроза Надменная. С архитектора, кажется, семь потов сошло, пока ты руны не начертила. До последнего, бедняга, боялся, что ты сейчас скажешь «Кто так строит?!» и шарахнешь ему молнией в лоб.

— Эвроза Надменная? — Азкаделлия нахмурилась, наполовину притворно, наполовину серьезно, отчаянно роясь в памяти. — Которая выступила против старой столицы и проиграла?

— Но мы все равно ее любим и почитаем, а ее статуя украшает городской парк.

Мы. Он из Эв, вспомнила Азкаделлия, ей ведь даже мама говорила когда-то. И это его дом, чей же еще. Почему-то от этой мысли было очень приятно.

— И что, я могу шарахнуть молнией в лоб, если что?

— А почему нет? Нет, архитектора бить не надо, он отлично строит и еще пригодится. Но в принципе — можешь.

— Наставник меня этому не учит, — неловко пошутила Азкаделлия.

— Сама справишься, — отозвался он без тени улыбки. — Или я научу. Потом. Поехали домой, ваше высочество? А то нам придется объясняться, где мы задержались...

На обратном пути ее сморило от сытости и жары, и она уснула в машине. Сквозь сон она слышала, как они приехали, как Амброз будил ее, но глаза не разлипались и тело не слушалось. Тогда он подхватил ее на руки, аккуратно пристроил головой на плечо — или это ей снилось? Издалека слышался мамин голос.

— Конечно, устала, бедняжка, — отвечал Амброз, — три руны все-таки... Пришлите Мэри, ваше величество, пусть позаботится о девочке.

Она просыпалась понемногу, словно всплывала на поверхность из сонной глубины. Он запыхался, пока поднимался по лестнице, но донес ее до самой спальни и осторожно опустил на кушетку. Азкаделлия открыла глаза, не отпуская его плеч, и посмотрела близко-близко.

— Так и знал, что ты не спишь, плутовка, — прошептал он. — Сказать маме, что ты придешь к ужину?

Она помотала головой.

— Хорошо. Пусть Мэри принесет тебе чаю в постель, да? Ты заслужила отдых. Но я пойду, прости. Надо рассказать ее величеству, как все прошло. Если не возражаешь, я просто скажу, что все прошло гладко, и не выдам беднягу мэра. В конце концов, кто б на его месте отказался от такой возможности?

Он мягко отстранился, поклонился и направился к двери. Азкаделлия села на кушетке, почти машинально поправила волосы. Сердце внезапно бросилось вскачь, щеки вспыхнули.

— Амброз, — позвала она и не услышала собственного голоса. Но он услышал, обернулся с улыбкой. Азкаделлия протянула руку и сама себе удивилась, каким красивым и властным вышел жест.

Он замер на мгновение, брови взлетели вверх, ее сердце успело пропустить удар, а потом он шагнул к кушетке, опустился на колено и легонько коснулся пальцами ее ладони и губами — тыльной стороны. Поднялся одним плавным движением и через секунду уже разминулся в дверях с Мэри и исчез в коридоре.

Будут и другие поездки, с удовольствием думала Азкаделлия, пока Мэри расшнуровывала корсет и расплетала ей волосы. Конечно, жизнь королевы и даже наследной принцессы не состоит из сплошных праздников и торжественных открытий, но случаются они довольно часто. Она поехала, она справилась, Амброз расскажет маме, что все прошло идеально... Ведь она теперь сможет поехать на какое-нибудь следующее открытие просто так, а не потому что Диджи больна?

Наверняка сможет. Возможно, даже этим летом.

Глава третья. Осенний урожай

Высокие окна библиотеки выходили на поросшие деревьями холмы. Зимой их засыпало снегом, ветви причудливо гнулись, и деревья становились похожи не то на сказочных зверей, не то на крошечные домики, где жил крошечный народец вроде манчкинов, только хороший. В детстве Азкаделлия придумывала про них сказки, и даже рассказывала их ДиДжи. Как давно это было... Теперь сестрице не нужны ее сказки, она ершистый подросток, гоняет по дорогам Миллтауна на пугающего вида двухколесной машине, слушает байки Мистика и мечтает о путешествиях по Той стороне. По правде говоря, и Азкаделлия давно забросила эти сказки, а вот о Той стороне не мечтала, и байки Мистика слушала скептически. Мистик был любопытный и немного забавный, особенно если смотреть его выступление вместе с Амброзом: перед шоу Амброз ей объяснил принципы холодного чтения и основные уловки для отгадывания, а зеркала, тайники и люки они искали во время фокусов. А Та сторона была далекая, непонятная, и не становилась ближе и понятнее от того, что отец был родом оттуда. Ее место было здесь, в О.З. Не в странных мирах разбираться, а открывать Осеннюю ярмарку в Яблочном доле, как в этом году. Правда, открывала все равно мама, но Азкаделлия стояла рядом, и тоже приветствовала старосту Дола и первую красавицу ярмарки. А вот зимние торжества будут полностью на ней, к тому времени она будет совершеннолетней и коронованной наследницей.

Совершеннолетие наступало завтра. Поэтому Азкаделлия и сидела на широком подоконнике стрельчатого библиотечного окна. Здесь было ее тайное убежище... На самом деле не очень тайное, они играли здесь с ДиДжи, мама и папа искали ее в первую очередь здесь, Амброз оставлял на подоконнике книги (а иногда бумажный фунтик с орехами или карамельками), но ей все равно нравилось называть это уютное гнездышко за тяжелой бархатной шторой «своим убежищем». Детским тайником. Теперь хотелось попрощаться с детством. Сделать что-то символическое, перешагнуть рубеж во взрослую жизнь. Например, в последний раз посидеть на тайном подоконнике, глядя в осенние сумерки.

Там накрапывал дождь. Мама уже заколдовала погоду и обещала, что дождь закончится к полуночи и завтра будет прекрасный день, с синим небом и золотыми листьями. Будут гости, торжественные встречи и вручение подарков, потом бал и фейерверк в честь дня рождения наследницы. Ее праздник, она будет блистать в своем золотом платье...

Вообще-то Азкаделлия сначала хотела зеленое. Королевский изумруд казался самым красивым цветом, она обожала свой бархатный зимний наряд как раз за то, что он был почти правильного оттенка. Но едва она завела об этом речь, ДиДжи фыркнула:

— Тебе не идет зеленый.

— ДиДжи, ангел мой, но почему, — вяло возразила мама. — Если Аз хочет...

Но она уже не хотела. Шпилька маленькой задаваки все испортила, Азкаделлия скомкала разговор, ушла бродить по коридорам замка и привычно свернула в кабинет советника.

— Золотое, — не раздумывая, отозвался Амброз, когда Азкаделлия старательно небрежным тоном спросила, что он думает о ее платье на совершеннолетие. — Королевскую зелень побереги на коронацию, а сейчас закажи золотое. Утрешь нос всем придворным модницам! К тому же делегация из Черных гор преподнесет тебе традиционное ожерелье, оно подойдет к золоту, наденешь его на бал, они будут очень польщены! Ох, кажется, я испортил им сюрприз... — он улыбнулся без малейшего раскаяния. — Но если честно, не такой уж и сюрприз, это их традиционный подарок, другое дело, что не все наследницы его носят. А ты надень, серьезно. Они оценят.

— Обязательно, — кивнула Азкаделлия. Праздничное настроение вернулось, она уже прикидывала фасон будущего наряда. Ожерелье... Нужно будет посмотреть в сокровищнице, как

оно выглядит, чтобы подобрать форму лифа. И золотистые атласные перчатки, и туфли тоже золотистые, но совсем спокойного оттенка, чтобы не было слишком...

— Гости из Эвны одарят традиционными рубинами, южане принесут тончайший фарфор...

Серьезно, ты не против, что я раскрываю тебе все секреты?

Азкаделлия хихикнула, пряча смущение.

— Нет, не против. Амброз, а ты мне подаришь что-нибудь?

— О-о, — протянул он негромко, и Азкаделлия обмерла от его голоса и вмиг посерьезневшего лица. — Я подарю тебе кое-что замечательное... Но это будет сюрприз.

И вот завтра она узнает, что за сюрприз он для нее подготовил. Азкаделлия подтянула коленки к подбородку, повозилась, удобнее устраиваясь среди плюшевых подушек. Еще немного посидеть

— и хватит, пора возвращаться к себе...

Стукнули тяжелые библиотечные двери, каблучки прошли по паркету. Азкаделлия на всякий случай подобралась и затихла.

— Прошу вас, генерал, — проговорила мама. — Я вся внимание.

— Я... ваше величество, не хочу портить... завтра праздник, — загудел Лонот.

— Полно, — перебила его мама. — Я же вижу, вас это гнетет, вы не успокойтесь, пока мы не поговорим. Итак, что случилось?

— Он... — Лонот замялся, Азкаделлия буквально видела, как он морщит тяжелое бритое лицо и угрюмо смотрит вниз, на носки форменных сапог. — Помилуйте, ваше величество, не умею я деликатными намеками.

— Говорите прямо, я разрешаю, — мягко ответила мама. — Любыми словами, генерал.

— Он купил дом в Висячих садах, — выдавил Лонот. — Для своей... содержанки. Выходит, отставку ей дал, и чтоб не преследовала и не претендовала... И перестал посещать... известное заведение. Азкаделлия забыла дышать. Сердце стучало так гулко, что она боялась не услышать мамин ответ за его шумом. Это ведь не про...

— Ну и что же? Друг мой, вы так говорите, будто это плохо, — мама улыбалась, судя по голосу. — Я была не в восторге от этих знакомств и встреч, но, во-первых, это его жизнь, и во-вторых, ему хватало ума не тащить эту свою жизнь ко двору. Согласитесь, вы ведь никогда не видели никого из тех сомнительных особ ни на одном официальном мероприятии. Но теперь я рада, что это все остается в прошлом. Как знать, может, он хочет жениться?

— Да нет же, — с досадой отозвался Лонот. — Как вы не понимаете!.. Простите, ваше величество.

— Да говорите уже. Чего я не понимаю?

— Принцесса. Он к ней будет... — Лонот опять запнулся.

— Азкаделлия? — мама рассмеялась, и Азкаделлия стиснула кулаки так, что ногти больно впились в ладони. — Она же еще дитя, генерал. Даже если вы правы, хотя я в этом сомневаюсь, но все же если вы правы и Амброз и впрямь рассчитывает на благосклонность Аз... Она еще ребенок. Что ей до ухаживаний немолодого и неинтересного королевского советника? И что ему до моей девочки?

— К трону он рвется, — тяжело проговорил Лонот. — Эвская кровь... Вы зря ему верите, ваше величество, я вам уже говорил, и тогда, после Черных гор...

— Я полагаю, мы все прояснили, — голос матери зазвучал нетерпеливо, потом смягчился. — Я знаю, вы ему не доверяете, но согласитесь, это исключительно из-за вашей неприязни к семье Эв. И трагедию в Черных горах мы уже обсуждали, нарушение техники безопасности, печально, но не более. Советник потом отказался от повышения нормы выработки и даже заплатил семьям пострадавших из личных средств. Мы все имеем право на ошибки. Идемте, генерал, присоединяйтесь к нам за ужином. И не волнуйтесь об Амброзе, уверена, он скоро представит нам свою избранницу, ради которой забросил холостяцкие привычки.

Дверь снова стукнула. Азкаделлия перевела дыхание, осторожно выглянула из-за шторы, убедилась, что они ушли, и спрыгнула с подоконника. Щеки горели, мысли метались, перескакивая с одного на другое. Гадкий Лонот, как он посмел... Неужели у него правда есть

содержанка? И они вместе ходят... в известное заведение? Наверное, что-то вроде того клуба, где выступал Мистик, только еще хуже, где на сцене пляшут девицы в перьях и блестках. Гадость какая! Он врет, это все вранье и...

Азкаделлия перестала расхаживать вдоль полок, остановилась и глубоко вдохнула. Надо было успокоиться. Конечно, Лонот не врет, зачем ему. Да, у Амброза наверняка есть... Была, поправила себя Азкаделлия. Была любовница, глупая кукла, которой он покупал красивые тряпки и побрякушки, с которой он расстался, потому что...

Потому что Азкаделлия выросла, вот почему. Лонот прав, а если мама до сих пор ничего не замечает, тем лучше. Завтра все изменится, недаром он так загадочно говорил о своем подарке. Он подарит ей... признание? Свое сердце? Она читала в «Сказаниях», и в хрониках, и репетитор рассказывал: тот, кто желает служить королеве и добиваться ее благосклонности, приносит ей символический дар, изображающий свое сердце. Про Безумную Лангвидер хронист писал, что она требовала от своих избранников ни много ни мало — настоящего сердца, но то были страшные доприлетные времена, а потом дарили броши или подвески тонкой работы, фамильные драгоценности, самоцветы из владений подземного короля, хитро приготовленные сладости... Отец скрутил сердечко из медной проволоки, и мама так и носила это жалкое подношение на шатлене, раньше Азкаделлии это даже казалось милым. Так что же она получит завтра? Наверняка что-то интересное, со сложным механизмом и неожиданной функцией. Часики? Крошечный проектор? Переговорное устройство?

Это была лошадь. Совсем молодая кобылка, тонконогая и игривая. ДиДжи что-то восторженно пискнула.

— Красавица, правда? Гордость эвских конюшен.

Амброз гладил атласную шею, лошадь радостно тянулась к его рукам в поисках угощения. Азкаделлия растерянно молчала. Мама легонько коснулась ее плеча.

— Как ее зовут, Амброз?

— Официально — Пламенная Звезда. Но когда я не слышу, Стивенс зовет ее Плюшкой. Изволите дать ей яблоко, ваше высочество?

Не будь дурой, сказала себе Азкаделлия, прекрасный подарок. Она шагнула ближе, конюх с поклоном подал ей пригоршню яблочных ломтиков, Амброз аккуратно перехватил повод и проговорил едва слышно:

— Это официальный подарок ее королевскому высочеству от преданного слуги королевы. А мой подарок тебе... пожалуйста, зайди в кабинет перед открытием бала. Я буду ждать.

У нее потеплели щеки.

— Благодарю вас, советник, — громко сказала она и протянула яблоко Плюшке, самой замечательной лошади в мире. Гладила длинную морду, ощущала, как тычутся в ладонь бархатные губы, улыбалась, не таясь. — Благодарю вас, прекрасный подарок!

Потом они вернулись в парадный зал, и встретили столичных гостей, черногорскую делегацию, бургомистра Эвны, еще кого-то, Азкаделлия кивала, принимала рубины, фарфор, велела отнести черногорское ожерелье к себе, чтобы надеть его к бальному платью, а сама ждала и косилась на часы. Потом поторапливала Мэри: та бесконечно долго шнуровала платье и неторопливо закалывала локоны. Наконец Азкаделлия поднялась, подобрала шлейф — совсем легкий, расшитый только шелком. Тяжелый парадный, в серебре и жемчуге, ждет коронации...

— Иди, — велела она Мэри. — Пойди помоги сестрице.

Амброз ждал ее у кабинета. Она шла по длинному коридору, он смотрел, не отводя глаз, и Азкаделлии казалось, она буквально слышит, как воздух звенит от напряжения. Он закусил губу и поклонился. Ну же.

— Где мой подарок? — проговорила она и порадовалась, как хорошо и уверенно получилось.

— Ждет за дверью, — Амброз взял ее за руку, чуть сжал пальцы. — Не удивляйся, Азкаделлия, это необычный подарок. Прошу.

Он распахнул дверь. Азкаделлия переступила порог и на всякий случай остановилась. Амброз на

краткий миг положил ей руку на талию, чуть подтолкнул вперед.

— Прошу вас, принцесса, — повторил он, и голос его неумовимо изменился — холодный официальный тон, в который он прятался, как в официальный мундир, когда они больше не были наедине.

У стола стоял незнакомец в форме королевской канцелярии. Не совсем незнакомец, Азкаделлия вспомнила, что видела его несколько раз на официальных приемах и в зале совещаний. Она запомнила его, потому что он, как и репетитор, был из приморцев, чернокожий. Но только он был совсем не похож на плюшевого репетитора, мягкую добродушную громадину. Интересно, он тоже может перекидываться? И в кого? Уж точно не в собаку, подумала Азкаделлия и ощутила, как холодок скользнул вдоль спины. Во что-то мелкое, проворное и очень зубастое — вот это больше похоже на правду.

— Это Вай-Сор, ваше королевское высочество, — произнес Амброз с непонятым удовольствием.

— Ваш верный помощник и покорный слуга, а после коронации — советник кронпринцессы.

Азкаделлия растерянно протянула руку, Вай-Сор пробормотал, как он счастлив служить ее высочеству. Это ее подарок? О чем он вообще?

— Формально Вай-Сор мой секретарь, — продолжал Амброз. — Но с этого дня он в полном распоряжении вашего высочества.

— В полном распоряжении, — эхом отозвался Вай-Сор. — С вашего позволения.

И он исчез за дверью. Азкаделлия нервно потерла руки. Что делать теперь? Благодарить?

— Азка-Ди, — мягко проговорил Амброз. — Прости, тебе больше не идет это детское прозвище.

Ты разочарована, я понимаю. Ты другого ждала, ты думала, я подарю тебе что-то чудесное, и я рад бы... Я бы тебе весь мир подарил, но что поделать, моя принцесса, он и так принадлежит тебе. Ты королева... — он улыбнулся, — будущая королева, и тебе нужен двор. Свои люди, преданные тебе, на кого ты можешь рассчитывать. Кто будет помогать тебе, ты ведь не можешь все делать сама, правда?

— Ты мне помогаешь, — прошептала она. На ресницах вскипали слезы, то ли от смущения, то ли от собственной глупости.

— Азкаделлия, — он взял ее за плечи повыше прозрачного рукавчика, Азкаделлия задрожала от прикосновения теплой жесткой ладони. — Но я не твой советник.

Она совсем смешалась, попыталась освободиться, но он не отпустил ее, сжал руки сильнее, поймал ее взгляд.

— Азкаделлия... Быть всего лишь твоим советником — слишком мало. Я иного хочу...

Она видела его лицо совсем близко, и сейчас, в полумраке кабинета, глаза действительно казались черными. У нее кружилась голова, словно она в глубокий колодец заглядывала.

— Идем, — шепнул он. — Нас хватятся... тебе пора открывать бал. Ступай по лестнице, а я обойду по галерее.

Он шагнул назад и выпустил ее плечи.

— Ты оставишь за мной вальс и первую мазурку?

Азкаделлия выпрямилась, сверкнула глазами — она была уверена, что получилось.

— Только мазурку. Вальс обещан господину бургомистру.

— Ах он проныра, — восхищенно проговорил Амброз. — Что ж, в следующий раз я буду порасторопнее.

Потом она торопливо шла, почти бежала, по гобеленовому коридору и широкой лестнице, вперед, туда, где уже блестел и шумел парадный зал. Ее бал, ее первый настоящий выход, шаг в новую жизнь. Все будет хорошо, все будет просто упоительно хорошо, ее ждет коронация, и в тот же вечер — теперь она точно знала, так и будет — он принесет ей свое сердце.

Глава четвертая. В ожидании зимы

Осень тянулась бесконечно. По календарю уже наступила зима, а погода все еще держалась

осенняя, мокрая, стылая. Даже здесь, в Северных владениях, снег лежал заплатками, сырой, ноздреватый, и в снежки толком не поиграешь. Озеро затянулось тонким льдом у берега, серое небо липло к дворцовым башням. Из туч сеялась мелкая снежная крошка, таяла в черной грязи. Как будто зима никак не могла начаться по-настоящему, пока не будет коронации.

Глупо, конечно, но иногда Азкаделлии так и казалось. Тогда, на балу в честь совершеннолетия, летя в мазурке, она загадала себе: к зиме получить корону. И вот зима, и никаких распоряжений от мамы, хотя Амброз не раз и не два заговаривал с ней. Азкаделлия как-то сама осторожно спросила, мол, она вошла в возраст, ее жизнь должна измениться?

— Нет, вовсе не должна! — возразила мама и как всегда прошлась ладонью по прическе, растрепывая «свитки мудрости», которые Мэри сворачивала все утро. — Аз, это ведь формальность, я не заставляю тебя братья за заседания совета прямо завтра. Ты так торопишься распрощаться с беззаботным детством?

Это «беззаботное детство» уже порядком надоело Азкаделлии. Понятно, мама рано оказалась на троне, иногда даже с отцом виделась урывками из-за важных дел, вот и не хочет для дочери повторения. А что Азкаделлия? Она была совершенно не против нырнуть в государственные дела с головой, тем более что Амброз был бы рядом, они бы общались даже больше, чем сейчас... У нее все чаще мелькала мысль, может, так прямо и сказать, мол, хочу помогать, хочу кабинет, хочу официальные должности для Вай-Сора, советника кронпринцессы, и Зеро, главы малой лейб-гвардии. Разве это плохо?

Она не решалась. Боялась не найти нужных слов, все испортить. Пусть Амброз, он умный и опытный, он дипломат... Но усилия Амброза пока не увенчались успехом. Мама уходила от разговора.

— Пойми, Азкаделлия, я не могу быть слишком настойчивым, — печально говорил он. Они брели по берегу озера, сырой ветер забирался под меховой плащ, было зябко и противно. — Мое положение при дворе становится шатким. Лонот глаз с меня не спускает, докладывает о каждом шаге, который кажется ему подозрительным. Я боюсь, как бы в этих условиях мои хлопоты не пошли тебе во вред.

— Но почему Лонот воюет с тобой? — возмутилась Азкаделлия.

— Больше не с кем, — усмехнулся Амброз. — Ты права, он вояка, солдафон... О, при дворе Джинджер его бы на руках носили! Но те дикие времена давно в прошлом, мы живем в мире, манчкинов стараемся не трогать, с Видящими пытаемся выйти на дипломатический контакт. Так что армия почти не нужна. Они охраняют королеву — но от кого? Все обожают ее величество, никто не хочет навредить ей. Лонот бесполезен, вот и бесится. Нашел себе врага в моем лице, спит и видит, как я уйду в отставку.

Он поехал, плотнее запахнулся в плащ. Как он устал, поняла вдруг Азкаделлия, глядя в его осунувшееся лицо. Он волнуется о ней, а тут еще Лонот со своими мерзкими интригами. Ей хотелось обнять его, притянуть к себе, провести ладонью по измученному лицу, смахивая усталость, разгладить тревожные морщинки у глаз... Она высвободила руку из муфты, потянулась к его щеке, Амброз прикрыл глаза на секунду, потом поймал ее руку, быстро поцеловал в ладонь, запястье и отпустил.

— Не мерзни, — тихо проговорил он, и Азкаделлия спрятала назад в муфту руку с его поцелуем. Их отношения застряли и замерли, как эта проклятая осень. На дне рождения все было понятно: она выросла, она больше не ребенок, он полюбил ее, добьется ее расположения и станет фаворитом кронпринцессы. А теперь что? Может ли принцесса обзавестись возлюбленным? И как? Мама встретила отца, уже будучи королевой, там все было понятно. От хроник не было никакого толку: никто из историков не уделял внимания ближнему кругу принцесс до коронации. «Взойдя же на престол, приблизила к себе красивого юношу из южных поселений...». Это-то понятно, а до престола что делать? Поговорить с мамой об этом было еще страшнее, чем о коронации.

И все же она решилась. В очередной хмурый серый день, затянутый мелкой снежной крошкой,

она сказала себе, что после ужина поговорит с мамой. Что она взрослая и хочет малый двор, обязанности и... и, может, даже переехать в Столичную резиденцию весной. Она полдня просидела в кабинете (она упрямо называла свой будуар кабинетом), репетируя речь и парируя воображаемые мамины аргументы. Потом переделалась к ужину и пошла, ощущая холодок под ложечкой.

— А где ДиДжи? — спросила мама, когда Азкаделлия появилась в зале.

Она пожала плечами.

— Она не с тобой была? — нахмурился отец.

— С чего это? — разозлилась Азкаделлия. — Сестрица уже вполне самостоятельная, она мне не отчитывается. Опять уехала в Миллтаун?

— Аз, — укоризненно проговорила мама. — Она никуда не уезжала, мы разговаривали утром, потом она пошла на уроки и после собиралась пойти погулять с тобой. Вы не пошли на прогулку?

— Нет, я ее не видела, она не заходила. Честное слово, — добавила Азкаделлия неожиданно для себя. Внутри нарастало беспокойство.

— Где же она... — вздохнула мама. — Мэри, посмотри в библиотеке, может, она зачиталась.

Позови ее.

Азкаделлия без особой охоты поковыряла ужин, отпила горячего вина. Мама крошила хлебный ломтик, уставившись в тарелку. Отец отложил вилку.

— Милая, — позвал он. — Сходить поискать?

Мама встревоженно вздохнула. Вернулась Мэри, сообщила, что принцессы нет ни в библиотеке, ни в зимнем саду.

— Но из дворца она не выходила.

Отец решительно отодвинул кресло.

— Идем.

Как не вовремя сестрица заигралась! Ужин пошел кувырком, Азкаделлия уже и не знала, стоит ли заводить разговор. Может, завтра...

ДиДжи нигде не было. Сонного репетитора нашли в красной гостиной, растолкали, он перекинулся и сказал, что после занятий ДиДжи забрал советник. Азкаделлии стало совсем тошно. Хоть бы они нашлись уже поскорее!

К поискам присоединился Лонот.

— Это безумие какое-то, — прошептала Мэри.

— Советник работал в подвальной лаборатории, — сообщил Вай-Сор. — Не видел, чтобы он выходил оттуда.

Подвальная лаборатория была пуста и темна. Азкаделлии казалось, что это дурной сон, что она просто заснула в кабинете и сейчас проснется, пойдет ужинать, все соберутся за столом...

— Там свет и шумит что-то, — нервно проговорил отец. — Милая, держись позади. Идемте, Лонот.

Светилось и шумело в глубине подвала. Азкаделлию оттеснили совсем назад, она ничего не видела, но услышала, как страшно вскрикнула мама. Она рванулась вперед, распахивая спины в черных мундирах, шагнула в шумную подвальную клетушку и замерла.

ДиДжи лежала на низкой скамье, прямая и бледная, вытянув руки вдоль тела. Видно ее было не очень хорошо, потому что всю ее вместе со скамьей окутывал сияющий кокон, будто смотанный из тончайшей нити. Нить сверкала в воздухе, добавляя к кокону все новые витки.

— Это что за чертовщина? — растерянно спросил отец. — ДиДжи, детка, ты меня слышишь?

— Это проклятая прялка, — прошептала мама. — Но как?

— Не трогайте ее, ваше величество, — умоляюще заговорил Лонот. — Уйдемте, нужно найти советника, это он починил, клянусь, больше никому, он же ее и остановит, иначе...

— Он ее не остановит, — безжизненно отозвалась мама. Отец пытался протянуть руку в кокон, но безуспешно, сияющая поверхность не поддавалась.

Это дурной сон, в сотый раз подумала Азкаделлия. Проклятая прялка была сломана и потеряна

много лет назад, гениальный безумец, ее изобретший, казнен, а чертежи уничтожены. Она пряла пряжу из магии своей жертвы, заключая ее в кокон, где останавливалось время. Тюрьма для принцессы-волшебницы, неразрушимая и вечная.

— Она жива? — отец бессмысленно суетился у скамьи.

— Она жива, она проснется, когда ее освободят, — бросил Лонот. — Прошу вас, ваше величество. Мама шагнула вперед и потянулась к нити.

— Не надо! — взревел Лонот. — Не надо, я умоляю вас, это же его план, проклятое эвское отродье! Ваше величество, мы найдем его и вытряхнем из него чертежи и способ...

— Он запустил ее, но не сможет остановить, — ответила мама. — Это же магия... Это ловушка, Лонот. Вы сами знаете. Пустите меня, генерал.

Она подхватила нить, тянущуюся из прялки, и разорвала ее одним легким движением. Гудение смолкло, и тихо стало до звона в ушах. Мама потянула нитку и принялась сматывать кокон в клубок.

Всего-то, вздохнула Азкаделлия. Всего-то... Сейчас она сматывает нить, и этот кошмар закончится, и можно будет найти Амброза и понять, наконец, что происходит. Ничего страшного ведь?

Мама мотала клубок, и нить все не кончалась.

— Лаванда... — отчаянно прошептал отец.

— Все будет хорошо, — еле слышно отозвалась она. — Подержи меня, пожалуйста.

Она будто растворялась в воздухе. Лицо бледнело до прозрачности, волосы теряли цвет, руки дрожали, но она по-прежнему тянула нить. Кокон таял. ДиДжи глубоко вздохнула и пошевелилась.

— ... страшно! — проговорила она словно с середины фразы. — Можно прекратить, советник?

— Ангел мой, — прошептала мама и обмякла в отцовских руках.

Сразу стало шумно и многолюдно. Все куда-то бежали, Лонот рычал на стражу, маму унесли.

Азкаделлия шла к лестнице, спотыкаясь и держась за Мэри, и все хотела проснуться, проснуться и спуститься к ужину...

Потом она сидела в спальне у сестренки. ДиДжи жаловалась на слабость и головокружение, а еще все повторяла, как она испугалась. Азкаделлия держала ее за руку, Мэри поила ее сладким чаем. Мама уснула, с ней был отец и лейб-медик, она была жива, просто очень измучена, все обошлось, правда же? Завтра все будет в порядке.

— Ты поспишь? — она погладила ДиДжи по растрепанным волосам.

— Не хочется, — вздохнула ДиДжи. — Может, считаешь мне? Как в детстве...

— Журнал «Стрекоза»? — улыбнулась Азкаделлия.

— Да хоть бы и «Стрекозу». Кстати, до сих пор ума не приложу, чем он тебе так нравился. Он же скучный и приторный был, а ты его читала взахлеб...

Азкаделлия смутилась. Амброс... Где же он, он появится и наверняка все объяснит: что случилось там, в подвале, что он хотел и почему все вышло из-под контроля. Не думать, просто подождать, когда все прояснится...

— Я тебе лучше «Сказания О.З.» почитаю, — предложила она. — Настоящие, не детскую адаптацию. Знаешь, там есть очень интересные истории. Подождешь минутку, я принесу из своей комнаты...

ДиДжи кивнула и прикрыла глаза. Азкаделлия торопливо, почти бегом, добралась до кабинета, открыла дверь, повернула выключатель.

Она вскрикнула от неожиданности при виде темной фигуры у камина, шагнула назад, прижалась спиной к двери. Амброс кинулся к ней.

— Тихо, любовь моя, не бойся, это я, — горячо зашептал он. — У нас нет времени, там Лонот и его свора, я так рад, что ты меня первой нашла. Вот, возьми, сожги, я хотел сжечь, но не смог.

Он сунул ей в руки кожаный футляр. Азкаделлия ошалело сжала его.

— Амброс, что...

Он прижал пальцы к ее губам.

— Прости меня. Все должно было закончиться по-другому, но уж как есть. Запомни: если решишься, бумаги у Вай-Сора. Зеро начнет операцию по кодовой фразе «Приближается буря». Повтори.

— Приближается буря, — механически повторила она. — Амброз, что происходит?

Он покачал головой.

— Прощай.

Он мягко отодвинул ее от двери, шагнул было к порогу, но качнулся назад, не то вздохнув, не то всхлипнув, схватил ее и прижался губами к ее дрожащим губам. У Азкаделлии закружилась голова. Он целовал ее нежно и жадно, его дыхание было сладким, и у поцелуя был вкус медовой карамели.

А потом он разжал объятия, дверь за его спиной распахнулась, в коридоре орали и топали, Лонот торжествующе ругался, Амброза схватили сразу двое, выволокли за порог, Азкаделлия бросилась следом, Лонот перехватил ее.

— Все кончено, принцесса, не бойтесь. Мы его взяли, он вас не тронет.

— Что происходит? — беспомощно спросила Азкаделлия, уже сбилась, в который раз, и расплакалась. Появился отец, обнял ее, утешал, говорил, что ДиДжи уже уснула, что маме завтра будет лучше, что они справятся, все будет хорошо. Он уложил ее на кушетку и принес плед, он гладил ее по голове, как маленькую, и Азкаделлия наконец закрыла глаза и тихо лежала так, пока он не ушел. Тогда она раскрыла кожаный футляр, который так и держала в руке.

Ее письма. Ее глупые письма из Финаквы, с девчоночьими жалобами и неумелыми переводами «Сказаний», которые она писала неделями, чтобы отдать ему в день приезда. Их оказалось так мало, пять за первый год и четыре за второй, а потом случилась поездка в Эвну и они забросили переписку. Она была уверена, что он их давно потерял.

Она плакала, свернувшись тесным клубочком под пледом, пока не уснула, и ей снилась волшебная нить, которую нужно было смотать в клубок, а она все не кончалась.

Глава пятая. Снег

Утром Азкаделлии показалось, что кошмар начинает отступать. За завтраком ДиДжи с аппетитом ела, а про вчерашний вечер помнила только, что советник позвал ее в лабораторию и сказал, что ему нужен магический импульс для запуска эксперимента. И так хотелось верить, что проклятая прялка ей привиделась, но мама... Мама была совершенно седая.

После завтрака они все собрались в красной гостиной, мама полулежала в кресле, отец держал ее за руку, ДиДжи приткнулась рядом. Азкаделлия бездумно бродила по комнате, трогая безделушки на каминной полке. В коридорах тяжело топали гвардейцы, в кабинете советника продолжался обыск, на пороге время от времени появлялся Лонот с неслышными донесениями.

— Что теперь будет? — осторожно спросила Азкаделлия. Мама бледно улыбнулась.

— Будем жить дальше, дитя мое. самого страшного, к счастью, не случилось. ДиДжи жива, я поправлюсь. Мне нужна будет твоя помощь, но это все потом. Сейчас нам просто нужно побыть вместе, успокоиться и забыть об этом ужасном происшествии.

— Это была случайность? — Азкаделлия боялась спрашивать, но неопределенность пугала еще сильнее.

— Боюсь, что нет, — помрачнела мама. — Амброз... мы доверяли ему, но оказалось, что зря. Он задумал злое, моя девочка, он хотел погубить нас. Но не волнуйся, он больше не опасен.

— Он под стражей, его увезут в столицу, когда мы закончим с допросами, — добавил Лонот.

Может, еще удастся поговорить с ним? Он все объяснит, все сразу станет на свои места, будет понятно, что на самом деле случилось, он ведь не хотел дурного, не хотел погубить их. Зачем ему?

— Он сумасшедший, — буркнул Лонот, и Азкаделлия поняла, что спросила вслух. Мама бросила на Лонота укоризненный взгляд, но он упрямо повторил: — Он сумасшедший. Все потомуки Безумной Лангвидер сумасшедшие, простите, ваше величество. Дурная эвская кровь...

— Гениальность уживалась с сумасшествием, — вздохнула мама. — Его дед возглавлял Академию в Эвне...

— А тетка слышала голоса и советовалась со всеми своими личностями, — отрезал Лонот. — А его жажда власти обуяла, вот он и двинулся окончательно. Простите, ваше величество.

Чушь, поняла Азкаделлия. Какая жажда власти, он и так вел все государственные дела, а потом он и вовсе стал бы возлюбленным наследницы, будущей королевы, и отцом следующей правительницы О.З., какой еще власти ему желать? Чушь и, возможно, клевета, ей нужно увидеть его, он все объяснит...

Лонот ушел, Мэри забрала сестрицу, мама задремала прямо в кресле, и Азкаделлия выскользнула в коридор. Надо что-то придумать... У лестницы ее перехватил Вай-Сор.

— За мной, ваше высочество, — тихо, но жестко проговорил он. — Скорее, сюда.

Он набросил ей на плечи плащ, толкнул ее к боковой галерее и быстро повел вниз.

— Где советник? — выдохнула Азкаделлия.

— Его увозят. Поспешите, он хотел... — Вай-Сор не договорил.

В боковом дворике под галереей стояла тяжелая бронемашина. Гвардейцы сбились тесной кучкой чуть поодаль, говорили, смеялись, разглядывали что-то. Азкаделлия непонимающе скользнула взглядом по ним, по дворику, обернулась к Вай-Сору, он указал на машину, она посмотрела еще раз — и теперь увидела.

Амброз сидел прямо на земле, привалившись спиной к бронированному борту, уронив голову на скованные руки. Она хотела окликнуть его, но Вай-Сор прижал палец к губам и кивнул на охранников.

Грохнула дверь внизу, показался Лонот, гвардейцы вытянулись во фронт, двое подбежали к Амброзу, он с трудом поднялся на ноги, его еще и в кандалы заковали. Азкаделлия закусила губу, стараясь не разрыдаться, вцепилась в каменную ограду. Подними голову, молча молила она, посмотри на меня. И он будто услышал. Поднял голову, поймал ее взгляд и больше не отводил глаз. Его дернули за полуоторванный рукав — золотых эполетов не было, выдрали с мясом, — затолкали в машину, но Азкаделлии казалось, она и через мутное стекло видела его бледное лицо, синяк на скуле, засохшую кровь на виске и разбитых губах.

Она не помнила, как Вай-Сор привел ее в кабинет. Сидела у камина, дрожа под плащом, пила воду, стуча зубами о край стакана.

— Мне удалось пробраться в темницу, он просил, чтобы вы пришли — попрощаться, — печально пояснил Вай-Сор. — Простите, ваше высочество, я понимаю, вам тяжело.

— Его били, — выговорила, наконец, Азкаделлия.

— Да, Лонот был в ярости, — вздохнул Вай-Сор. — Он ведь все понял. Он, пожалуй, единственный, кто все понял сразу. Кроме ее величества, разумеется.

— Что происходит? — безнадежно спросила Азкаделлия. — Мама ничего не объясняет, только говорит, что все будет хорошо, Лонот говорит, что он хотел убить ДиДжи, но это ведь неправда?

— Неправда, — кивнул Вай-Сор. — Да и не может простой смертный убить могущественную волшебницу, даже очень юную. Но советник заключил ее в ловушку проклятой прялки, и он вправду это сделал, ваше высочество. С точки зрения Лонота, он совершил преступление.

— Зачем? — Азкаделлия еще теснее завернулась в плащ. Кажется, она теперь никогда не согреется.

— Он боялся за вас, — тихо сказал Вай-Сор. — Я не все знаю, принцесса, он скрывал информацию от меня, чтобы меня не обвинили в соучастии, чтобы рядом с вами остались верные люди. Вы ведь знаете, Лонот пытался его сместить и передать должность своему ставленнику. Они делали ставку на Миллтаун.

— Миллтаун-то здесь при чем? — вяло удивилась Азкаделлия.

— Нельзя недооценивать Миллтаун. При необходимости они могут быстро увеличить население, и им не нужно расти и обучаться. Они меньше зависят от климата, урожая, но зато от них зависят наши шахты и жизнь столицы... Если Миллтаун захочет диктовать двору и всей Особой Зоне свои

условия — он это сделает.

ДиДжи, поняла вдруг Азкаделлия. Это ее они видели своей наследницей, обожаемую ДиДжи, любимицу отца Вью. Не ее, не старшую принцессу, попечительницу старомодной Эвны и фермерских общин. Вот почему тянули с коронацией. Ждали, когда подрастет вторая принцесса. — Нечасто бывает, чтобы в королевской семье было две девочки, — добавил Вай-Сор. — Вы сами помните легенды, ваше величество: две дочери всегда спорят за власть, и оба солнца прячутся за лунной, когда это происходит.

— Что он сделал? — резко спросила Азкаделлия.

— Проклятая прялка отбирала магию у младшей принцессы, и королева могла открыть ловушку только ценой своих волшебных сил. Со временем, конечно, источник магии в них восстановится, но сейчас обе очень ослаблены и...

Азкаделлия поднялась, уронив плащ с плеч. Вай-Сор поспешно опустился на колено.

— Вы самое могущественное создание в О.З., — торжественно проговорил он. — По сути, вы — королева.

Азкаделлия застыла на месте. После нескольких секунд ошеломления пришло понимание: да, это и была его цель — сделать ее сильнейшей из королевской семьи, чтобы никто никогда не смог отобрать у нее трон. Лонот был в ярости, но ничего не мог поделать: другой правительницы у О.З. нет и не будет в ближайшие годы. Разве не этого она хотела — править вместе с королевой? Амброс дал ей это и даже больше. Власть ее матери теперь формальна, сама она не может даже сельскую ярмарку благословить, а без королевского благословения фермеров ждет засуха и голод, горожан — аварии, разрушения и всплеск преступности. А еще Папаи. Нынешние жители не помнят, во что обращаются добрые Папаи, лишённые света, но летописи хранят описания их охотничьих угодий. О.З. уцелеет, только если новая правительница будет добра к своим подданным.

Он все-таки подарил ей весь мир, как и хотел.

— Бумаги, — вспомнила он. — Вай-Сор, он говорил, если я решусь, бумаги у тебя. На что решусь? Что у тебя?

Вай-Сор аккуратно поднялся на ноги, стал у камина.

— Это запасной вариант, на тот случай, если Лонот и новый королевский советник будут давить на вас... или семья не даст вам полной свободы.

Новый... королевский советник?

— Если вы пожелаете сохранить статус вашей матери, ей будет нужен новый кабинет. Генерал Лонот наверняка предложит своих людей... Это может поставить вас в странное неопределенное положение. Будучи фактической правительницей О.З., вы будете лишь наследницей для городского совета, наместников и Миллтауна. Но если вы решите вступить на трон официально, у меня есть письма для совета и всех владений, в которых подробно объясняется, что произошло и почему им лучше признать вас и принести вам присягу.

— Нет, — испугалась Азкаделлия. — Не нужно этого... Мы договоримся с мамой, а Лонот уйдет в отставку. Я не хочу его больше видеть.

Вай-Сор молча поклонился. Азкаделлия прошла по будуару, нервно потирая руки. Так, нужно собраться с мыслями. Все становилось понятнее, и оглушающее ощущение катастрофы наконец-то уходило. Пора было действовать.

— Так, — повторила она вслух. — Нужно объясниться с мамой и сформировать новый кабинет.

Амброза отвезли в столичную тюрьму?

Вай-Сор качнул головой.

— Нет, ваше высочество, в особый отдел городской больницы. Но это та же тюрьма — для государственных преступников. Его перевоспитают.

Азкаделлия содрогнулась. В приложении к Амброзу гуманная казнь внезапно показалась самой чудовищной участью. Представить его перевоспитанным, безмятежным психом с молнией в голове, лишённым блестящего ума, памяти, самой сущности своей... Это было так ужасно, так

немыслимо несправедливо, что ее прошел озноб. Бред, не нужно мучить себя, этого все равно не будет, она не позволит.

— Подготовь указ о помиловании. Возможно, его придется вернуть на другую должность, хотя бы временно, чтобы пригасить скандал и сплетни... Он поможет с этим, когда вернется.

Ему не нужна должность. Мысль мелькнула, но Азкаделлия тут же с негодованием ее прогнала. Амброз не такой, его не устроит положение королевского любимца, он не похож на ее отца, ему нужна деятельность, власть, финансирование, наконец! У него есть очень дерзкий и амбициозный проект, в подробности которого он собирался посвятить Азкаделлию в новом году, что-то глобальное, действующее на движение самих солнц. Так что его нужно вернуть ко двору, если не советником, то как минимум отдать ему Академию. Или ввести в городской совет? Пусть сам решает, главное сейчас — освободить его, подписать это смехотворное помилование и отправить кого-нибудь в столицу. Он не должен ночевать в тюрьме, а еще пусть его осмотрит доктор, нормальный доктор. Избили его, звери... Отставка, это минимум, отправить Лонота в отставку с запретом въезжать в столицу и в Эвну, пусть сидит в медвежьем углу за Разломом.

Эти мысли успокаивали. А еще больше успокаивали действия и осознание, что она спасает Амброза и скоро все будет хорошо.

Мама по-прежнему сидела в красной гостиной. Она зябла, а может, ей все еще было нехорошо, она куталась в меховую мантию, но выглядела уже лучше, чем утром. На щеках играл слабый румянец, а тщательно уложенные седые локоны выглядели уже не пугающе, а даже... изысканно. Он был вынужден, напомнила себе Азкаделлия. У него не было другого выхода, и все живы.

— Мама, — она изо всех сил старалась, чтобы голос не дрожал.

— Аз, моя бедная девочка, ты плакала? — встревожилась мама. — Что случилось? ДиДжи? Азкаделлия разозлилась и перестала виноватиться. Что ДиДжи? ДиДжи в порядке, она испугалась вчера, да, но это давно прошло. А его избили, бросили в каменный мешок, его грозят казнить, а он ей десять лет служил верой и правдой!

— Я знаю, что случилось, — твердо проговорила она. — С твоей магией. Ты больше не можешь править... — она все-таки запнулась.

— Аз, — вздохнула мама. — Я хотела поговорить с тобой потом, когда волнения немного улягутся... Но если ты хочешь сейчас — хорошо. Присядь вот здесь, со мной.

Она взяла ее за руку холодными пальцами. Азкаделлия смотрела в камин.

— Да, дитя мое, я отдала почти все силы, чтобы вытащить ДиДжи из проклятого кокона. Я не знаю, вернутся ли они когда-нибудь, но надеюсь... А сейчас мне нужна будет твоя помощь. Трагедия нашей семьи не должна отразиться на жизни наших подданных. Аз, тебе придется нелегко, ты еще такая юная, а на тебя обрушатся королевские обязанности. Уже на следующей неделе нужно ехать в столицу на зимний обход, потом то же самое в Эвне. Я возьму на себя всю официальную часть, но чертить руны и обновлять все ключевые точки придется тебе.

Как же она держится за власть, вдруг подумала Азкаделлия. Внутри росло глухое усталое раздражение. Мама будет делать вид, что ничего не случилось, будет принимать приветствия и читать речи, а потом прикладывать Азкаделлию к рунам и сторожевым знакам, чтобы наполнить их магией еще на годовой цикл. Ладно, пусть так, она не против, пусть будут совместные поездки и общие приветствия, главное, чтобы...

— Я понимаю, и я согласна, — проговорила Азкаделлия вслух. — Мы с этим справимся, мама. Руны я умею, это несложно, протокол выучу.

Мама неуверенно улыбнулась.

— Ты очень смелая.

Азкаделлия опустила глаза. Как она ни храбрилась, а сердце все равно застучало неровно и под ложечкой засосало.

— Только вот... Это ты должна подписать, ты ведь все равно королева. Вот, — она протянула украшенный вензелями листок. — Верни Амброза. Сначала помилование, а потом мы обсудим... Мама изменилась в лице. Она взяла указ осторожно, словно он был отравлен, потом перевела

взгляд на Азкаделлию. Азкаделлия сжала губы.

— Он это сделал ради меня, он невиновен. Ты... Ты не хотела коронации, Лонот хотел меня обойти. Он спасал меня!

— Нет, о нет, дитя мое, — у мамы задрожали губы. — Что ты такое говоришь? Кто тебе это сказал? Амброз?

Азкаделлия высвободила руку.

— Подпиши указ, мама. Просто подпиши указ, я прошу тебя.

— Аз, когда он успел? О нет... Не верь ему, моя девочка, он опасен, он едва не погубил... Аз? Ты что, знала?

Азкаделлия отпрянула, мама вновь попыталась схватить ее за руку.

— Нет, конечно, ты ничего не знала, он тебя обманывал... Аз, я прошу, расскажи мне все. Что он тебе говорил? Что он с тобой сделал?!

Азкаделлия вскочила и попятилась.

— Ничего он со мной не делал! Он любит меня, он помогал мне, он ждал коронации, чтобы я его выбрала! А ты...

Мама закрыла лицо руками.

— Лонот, — прошептала она. — Он был прав, а я ничего не видела. Дитя, прости меня, я должна была заметить! Ничего, мы сейчас вместе со всем разберемся. Он обманывал тебя, детка, он не говорил со мной о твоей коронации. Я пока не понимаю, чего он хотел, но мы разберемся. Его еще раз допросят, при тебе, ты увидишь, он лжет...

— Нет! — выкрикнула Азкаделлия. Она уже поняла, что зря пришла. Мама ей не верила, она верила негодяю Лоноту. Еще один допрос? Его уже избили, теперь будут пытаться, конечно, он признается во всем, что скажет проклятый генерал, оговорит себя...

— Кто ему помогает? — спросила вдруг мама. Она еще раз пробежала глазами указ, потом сложила его вдвое и с усилием разорвала толстую бумагу. — Вай-Сор? Его секретарь был в курсе? Он все отрицал на допросе, но он заодно с ним, верно? Его нужно взять под стражу. Аз, иди к себе, пожалуйста.

— Нет, мама, — прошептала Азкаделлия. Она больше не дрожала и не боялась. — Это ты иди к себе. Твое правление закончилось. Тебе пора отдохнуть.

Она захлопнула дверь за собой и почти машинально бросила поверх простенькую закрывалку, чтобы задержать мать на несколько драгоценных минут. Вай-Сор ожидал ее внизу лестницы.

— Зеро! — коротко приказала она. — И бумаги.

Зеро немедленно, как по заказу, выступил из-за угла, поклонился и жадно взглянул снизу вверх.

— Приближается буря, — проговорила Азкаделлия и заколебалась: надо ли добавить что-то еще? Оказалось, не надо. Зеро просиял, выпрямился, на миг прижал руку к сердцу и бросился к служебным помещениям.

— Джек, смена караула! Стю, охрану для канцлера! Ребята, буря!

— Машина будет через несколько минут, — предупредил Вай-Сор. — Бумаги, ваше величество.

Азкаделлия вздрогнула.

— Н-не надо... меня так называть.

— Ну а как же? — Вай-Сор поднял безукоризненную бровь. — Вы теперь королева, ее величество всей Особой Зоны милостивая правительница, повелительница и чародейка.

— Чародейка, — повторила она. — Сойдет.

Потом они тряслись в машине по столичному тракту. Азкаделлия листала бумаги для магистрата, строки уставной вязи расплывались перед глазами. «... добровольно лишившись магических сил, поставила под удар безопасность нашего мира... без охранной магии... земли Папай и возвращение старого кошмара... предательство государственных интересов... законная наследница, спасая честных граждан от голода, засухи, штормов и нападений... приговорена к секклюдии...»

— Что такое секклюдия? — спросила Азкаделлия и поразилась, какой чужой у нее голос.

— Изоляция, — откликнулся Вай-Сор. — Это не обязательно, Чародейка, это вам решать, потом. Сначала городской совет.

Городской совет не возражал. Мэр прочел документы, пожевал губами, поднял на Вай-Сора опасливый взгляд.

— И что будет теперь? — спросил он.

— Да ничего, — пожал плечами Вай-Сор. — Мы скорее информируем. Готовы засвидетельствовать верность Чародейке и принять ее волшебную защиту от всех бед нашего мира?

— Разумеется, — торопливо закивал мэр.

— Хорошо. Официальная церемония...

— Чародейка! — запыхавшийся Зеро влетел в зал заседаний, Вай-Сор пошел ему навстречу, но Зеро нетерпеливо оттолкнул его. — Лонот притащил алхимика, они его зарежут прямо сейчас!

— Что? — Азкаделлия отчаянно оглянулась на Вай-Сора и мэра.

— Советник? Ээ... бывший советник? — булькнул мэр. — Да, немедленное приведение приговора в исполнение с связи с особой опасностью преступника...

Вай-Сор деловито сгреб в охапку главу транспортного отдела.

— Короткий путь в городскую больницу. За мной, ваше... Чародейка. Зеро, вперед.

Они шагали по мосткам и переходам, не спускаясь на мостовую, Зеро с транспортником впереди, Азкаделлия за ними. Вай-Сор цепко держал ее под локоть, временами покрикивая на охрану в дверях и воротах: «Дорогу Чародейке, правительнице О.З.!» и охрана почтительно расступалась.

Гвардейцы у входа в тюремное крыло больницы ступили было вперед, но Азкаделлии хватило одного взгляда, чтобы они убрались с ее пути. Вай-Сор отстал, но сейчас он не был нужен: двери сами распахивались перед ней, и меховой плащ лежал на плечах королевской мантией.

После полутемного коридора яркий свет операционной ударил в глаза. Азкаделлия прикрыла глаза ладонью и растерянно остановилась на пороге. Алхимик недовольно обернулся к вошедшим, на операционном столе ворочался и хрипло стонал несчастный узник, прихваченный широкими ремнями.

— Не надо, — монотонно повторял он, — не надо, пожалуйста...

— Рейнз, положите шприц и отойдите к стене, — посоветовал Вай-Сор от дверей. — Казнь отменяется.

— Она здесь, — прошептал пленник. — Она пришла, чего паниковал, мальчишка? Она пришла? Он повернул потемневшее худое лицо, Азкаделлия вскрикнула и бросилась к нему, давась сухими рыданиями. Непослушными пальцами она расстегнула фиксаторы на запястьях, сдернула ремень, удерживавший его голову, Амброз с трудом приподнялся на локтях, она обхватила его за плечи и прижала к себе.

— Успела, — пробормотал он, — пришла, любовь моя, сокровище мое...

— Амброз, — всхлипнула она.

— Ничего, ничего, теперь все будет хорошо...

Его побрили торопливо и грубо, местами поцарапав кожу, Азкаделлия осторожно гладила его пострадавшую голову и еще осторожнее — лицо, аккуратно целовала, стараясь не сделать больно, — в уголок распухших губ, лоб, беззащитную макушку.

— Голова кружится, — тихо пожаловался он, поднял руку, ощупал лицо, рассеченную бровь, поморщился. — Ужасно выгляжу, да?

— Сотрясение? — уточнил Вай-Сор.

— Вроде нет. Наркоз начали давать. Эй, кто там, Рейнз? Что мне успели вколоть?

Рейнз испуганно ответил, Амброз кивнул, снова поморщился.

— Ничего, пройдет. Вай-Сор, доложи обстановку.

— Буря, — отозвался Вай-Сор. — План «А», ситуация три.

— Вот как. Поиски организовали?

— Не знаю, — с досадой ответил Вай-Сор. — Я не могу быть в трех местах одновременно, мы тут

еле Лонота перехватили.

— Он где, кстати?

— Мои ребята его взяли, — вклинился Зеро.

— Зеро? — Амброз, кажется, удивился.

— Вообще-то это я вас отследил, — обиделся Зеро.

— Ого. Я в долгу, генерал. Он заслуживает благодарности, правда, моя королева?

— Чародейка, — поправил Вай-Сор. — Зеро, ты слышал? Тебя повысили.

На мгновение Азкаделлию охватило странное чувство, будто она здесь чужая и лишняя, они говорят о своем, понятном, а она выполнила свою задачу и больше не интересна. Что за чушь? Она торопливо прогнала неприятное ощущение, тем более Амброз завозился, устраиваясь удобнее, и прильнул головой к ее груди.

— Чародейка, — нежно прошептал он. — Прости меня, я грязен и страшен, и смотреть на меня противно...

— Перестань, — она ласково погладила его по щеке.

— Мне было страшно, — признался он. — Я знал, на что иду, я был готов, но мне было страшно, что я забуду тебя, твое имя, твой поцелуй. Ты меня спасла... Любишь меня? Позволишь служить тебе?

— Да, да, да, — шептала она и обмирала, ощущая, как он обнимает ее под плащом, касается шеи и запутывается пальцами в волосах.

Вай-Сор деликатно откашлялся, Зеро подтолкнул Рейнца к двери. Амброз подтянулся и сел.

Разорванная рубашка сползла, открывая плечо и грудь, Азкаделлия смутилась, отвела глаза, но потом все равно смотрела украдкой на него, полуобнаженного и вызывающе красивого, на белую кожу и темный сосок, и — совсем уж неожиданно — на грубоватую татуировку под ключицами. Несколько рун, совсем простых, очень древнего написания. Наверное, эвская традиция. Что они значат? Она спросит как-нибудь потом. У них теперь много времени.

— Пойдем отсюда, а? — попросил Амброз. — У меня мурашки от этого места...

— Конечно, — встрепенулась она. — Как голова, не кружится уже?

— Если позволишь опереться на твою руку, я смогу идти.

Вай-Сор подхватил его под второй локоть.

— Рейнз, — пробормотал Амброз. — Я вспомнил, это ведь у него была статья о механизме прозрений у Видящих, да?

— Возможно. Спросить?

— Я сам. Пусть приедет... на той неделе, сейчас много работы будет. Азкаделлия, нужно, чтобы ты кое-что знала, — мягко проговорил он, обернувшись к ней на ходу. — Твой отец и сестра... они запаниковали после того, что случилось, и спешно уехали из Северного дворца. Мы их найдем, успокоим и вернем. Не бойся.

— А мама? — спросила Азкаделлия и тут же поняла. Она ведь закрыла ее. Ее магии не хватило даже открыть простенькую закрывалку.

— Она ждет тебя... Нас. Мы ей все объясним. Все будет в порядке.

Они вышли на крыльцо навстречу ранним зимним сумеркам. Вай-Сор набросил на плечи Амброзу теплый плащ — когда только успел найти его?

— Подождете здесь? Я сейчас разыщу Зеро с машиной, он ее, наверное, к парадному входу подогнал.

Азкаделлия кивнула: подождем, мол. Уже можно было не торопиться, они успели. Все хорошо.

Снег, такой долгожданный, тихо падал на город огромными белыми хлопьями.